

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпе-
тербургъ, Октября 12 дня 1833 года.

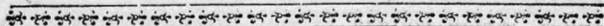
Ценсоръ, В. Семеновъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

II

С Ъ В Е Р Н Ы Й А Р Х И В Ъ.

1835. № XLI и XLII.

I.

ИЗЪЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. СИНІЙ ЧУЛОКЪ.

(Продолженіе.)

§ VII.

Третье синее утро.

Когда Гигфилдъ вошелъ въ комнату Люцій, она сидѣла у окна и любовалась на великолѣпную бухту, въ которой благородной Гудсонъ красуется въ послѣдній разъ передъ низверженіемъ своимъ въ Океанъ.

Тогда было прелестное Апрельское утро. Бухта представляла огромное зеркало, надъ которымъ носился легкій шумъ, прорываемый шумъ и сямъ лучами солнца или взвиваемый легкимъ вѣтеркомъ, который въ минуту поднимался и въ минуту упалъ. Въ иныхъ мѣстахъ суда стояли какъ бы на якорѣ въ облакахъ, и формы ихъ, отъ дѣйствія шума, казались гигантскими; въ другихъ спросъ, сосредоточившаяся въ парусахъ и капатахъ, испарялась въ ви-

дѣ легкаго, бѣлаго пара. Тамъ бѣгъ парохода оставлялъ въ воздухѣ длинную полосу дыма, и чрезъ минушу онъ вдругъ появлялся на мрачномъ далекомъ небосклонѣ. Въ поляхъ пробивалась сквозь землю трава, деревья облекались красноватымъ цвѣтомъ, шумная толпа городскихъ дѣшей гоняла кубарь, пускала змѣя, играла въ кегли; и по временамъ какой нибудь пернатый путешественникъ, обманутый прелестнымъ упрямъ, садился и пѣлъ на деревѣ, еще обнаженномъ.

Люція сидѣла у открытаго окна, небрежно опираясь розовою щечкою на бѣлую свою ручку. Она читала въ двадцатый разъ папешинческіе списки Гоппека; понимала она въ нихъ только то, что онъ несчастливъ, очень несчастливъ, не извѣстно отъ чего; и таинственность, облекавшая скорбь его, придавала ей прелесть невыразимую. Героиня наша, конечно, догадывалась о причинѣ жестокихъ спраданій Гоппека, но это еще болѣе располагало ее въ его пользу. Несчастный! говорила она сама себѣ: онъ таеетъ посреди пламени, возжennaго въ груди его живою чувствительностію его сердца и жаромъ его генія.

Гигильдъ былъ человекъ весьма любезный; но, замѣшивъ мимоходомъ, влюбленные часто опивращающіе отъ себя своимъ спраннымъ, несноснымъ поведеніемъ. Если они думаютъ, что не нравятся, то сохраняютъ глуное и неучитливое молчаніе; если ревнуютъ, то говорятъ и

дѣйствуютъ какъ сумасшедшіе; если имъ отдають предпочтеніе, они тотчасъ выказываютъ надменную увѣренность въ себя, порожествующее самодовольствіе, которыя женщины съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ себѣ, должны казаться нестерпимыми. Я за мило узнаю счастливаго обожателя. Ходя по комнатамъ, онъ любитъ на себя и какъ будто во всѣхъ зеркалахъ видѣть свою любезную. Но Чарльсъ не походилъ на этихъ глупыхъ любовниковъ. Онъ не почиталъ себя въ правѣ сдѣлаться ненавистнымъ, потому, что влюбленъ, и увеличивалъ привязанность любезной своей къ другому, обходясь съ нею невѣжливо. Между нѣмъ все это почиталось дѣйствіемъ сильной страсти; но я совѣтую дѣвушкамъ не довѣрять человѣку, котораго любовь дѣлаешь несноснымъ, такъ какъ я остерегаюсь человѣка, котораго пьянство дѣлаешь сварливымъ: любовь и вино не измѣняютъ, но обнаруживаютъ характеръ человѣка.

— »Люція!« сказалъ Чарльсъ съ дружесствомъ, которое дозволяло родство ихъ: »Люція! начали ли вы шурочекъ на часы, который общали мы, когда я пріѣхалъ?«

— »Нѣтъ,« отвѣчала она, вздыхая.

— »А когда же вы его начнете, сестрица?«

— »Не знаю,« отвѣчала она помно: »можетъ быть на дняхъ.«

— »Вы, кажется, не здоровы, Люція? что съ вами?«

— »Я не совсѣмъ здорова. Мнѣ что-то труд-

но дышашь. Я чувствую шупъ какую-то тяжесть,» сказала она, положивъ руки на грудь, и открывъ такимъ образомъ часть бумаги, на которой изображены были чувствованія Готтшека. Гигфильдъ увидѣлъ ее; онъ всныхнулъ, но удержалъ демона ревности, и съ видомъ искренняго участія предложилъ Люціи прогуляться по валу. Она холодно отказалась.

— »А не пойдешь ли намъ къ Миссъ Эппльби?« Люція какъ будто ожила при сихъ словахъ. Она приняла это предложеніе, надѣла шляпу и всѣ безчисленные принадлежности туалета модницы, потомъ, легкая какъ нимфа, оперлась на руку своего двоюроднаго брата, и вышла съ нимъ изъ дому. Она, конечно, надѣялась встрѣтить тамъ Готтшека, подумавъ Гигфильдъ, но между тѣмъ онъ не показывалъ ни какого неудовольствія, и во всю дорогу былъ чрезвычайно услужливъ и предупредителенъ. Онъ употребилъ весь умъ, всю веселость свою, чтобы забавлять ее, и успѣлъ въ этомъ такъ, что, подъ конецъ прогулки, она дала себѣ слово начать сиурокъ въ шопъ же день. У Миссъ Эппльби были всѣ синіе, за исключеніемъ одного Готтшека; они собрались всѣ у окна, и съ громкими восклицаніями восхищались нѣсколькими строками, вырѣзанными алмазомъ на стеклѣ. Предоставляемъ читателю судить о ихъ достоинствѣ; вотъ онѣ:

»Проклинаю тебя, о солнце, адъ неба, и тебѣ, луна, эмблема измѣнчиваго пола; проклинаю

вась, блестящія звѣзды, предвѣщающія челоуѣку странныя судьбы его! проклиная Природу и всѣ стихіи! О! въ ярости моей, я хотѣлъ бы попрасть ногами всю вселенную, а всего болѣе себя, существо презрѣнное! Что бракъ? — сообщество бѣдствій. Что жизнь одинокая? — двойное бремя. Что свѣтъ нашъ? — пѣна другихъ планетъ... О! прикраты проклиная вась....»

Тутъ всененавистникъ останоуился, для того ли, что вздумалъ отдохнуть, или для того, что проклиная было уже нечего.

— »Какія восхищительныя заклинанія!« вскричала, въ восторгѣ, Миссъ Эппльби.

— »Какія прелестныя проклятія!« сказала Миссъ Оверендъ.

— »Какая прогашельная мизантропія!« вскричалъ Паддлефордъ.

— »Какой могущественный слогъ!« произнесъ торжественно Пуддинггемъ.

— »Какое множество блестящихъ метеоровъ!« воскликнула Мистрессъ Котесъ, рѣшившись на этотъ разъ не смѣшивать метафоры съ метеорами.

Люція молчала, но тронутое ея сердце говорило ей, что одинъ только Готтшекъ въ состояніи написать подобныя строки.

— »Не правда ли, Г. Гигфильдъ, что самъ Байронъ не писывалъ ничего сильнѣе этого?«

— »У него дѣйствительно, часто встрѣчается галлматія безъ мыслей и безъ чувства.«

— »О профанъ! Какъ осмѣливаетесь вы говорить столько неуважительно о твореніяхъ, которыя производятъ въ душѣ столько сладостныхъ ощущеній? Не знаю, какъ вы; но я, я не могу жить безъ сильныхъ ощущеній; удовольствіе, горестъ, воспоминанія, надежда, отчаяніе, яростъ, безуміе, ненавистъ къ людямъ, однимъ словомъ, все, что производитъ раздраженіе — вотъ моя любимая пища! Кстати, говорятъ, что Сочинительница Редвуда издастъ новый Романъ. Какой предметъ избрала она?»

— »Не знаю,« отвѣчалъ Гигфильдъ: »но увѣренъ, что это будетъ твореніе, какое должна написать женщина разсудительная, скромная и остроумная, и что въ немъ не будетъ ни принужденности, и ничего такого, чего бы не одобрилъ вкусъ самый разборчивый.«

— »Хорошо!« сказалъ великій Пудденгамъ: »но въ сочиненіяхъ Миссъ Седжвикъ нѣтъ силы.«

— »Ни убійствъ,« прибавила Миссъ Эппльби.

— »Ни энергіи слога,« сказала Миссъ Оверендъ.

Появленіе Готшека прекратило это преніе. Онъ съ томностію поклонился, съ томностію подошелъ къ софѣ, опустился на нее, положилъ голову на подушку, и жалостно вздохнулъ. Эпопѣя-шо спранный человекъ ненавидѣлъ, по словамъ его, свѣтъ, и не могъ провести ни одного дня, не обративъ на себя вниманія свѣта. Онъ вздыхалъ объ уединеніи, и не пропускалъ ни одного случая являться въ многочисленныхъ собраніяхъ. Онъ выдавалъ себя за самого несчаст-

наго челоѣка; но видно было, что онъ совершенно счастливъ, когда всѣ занимаются его гореспью. Онъ сѣлъ, вѣроятно ненарочно, подлѣ Люціи.

— «Ахъ, Г. Гопшекъ! мы васъ узнали,» сказала она.

Онъ не хуже ея зналъ, о чемъ она говоришь; но посмотрѣвъ на нее съ видомъ самымъ разсѣяннымъ и сказалъ: »вы меня узнали, Миссъ Ли?»

— «Да, да, эти краснорѣчивыя строки, начерченные алмазомъ на стеклѣ; напрасно спали бы вы опираясь на нихъ; никто, кромѣ васъ, не въ состояніи писать подобнымъ слогомъ.»

»О нѣтъ! вамъ не оппереться на нихъ: когда Геркулеса оспавила слѣдъ свой,» вскричала Миссъ Эппльби, и всѣ воскликнули: »о нѣтъ, вамъ не оппереться!» Тунъ скромный Авторъ признался, что однажды упрямъ, обремененный нестерпимою меланхоліею, онъ вышелъ изъ дому, противувольно пришелъ въ гостиную Миссъ Эппльби, и не найдя тушь никого, выпался облегчить спраждущее свое сердце выраженіемъ, увы! слабымъ выраженіемъ чувствованій, его бурувающихъ. Всѣ снѣе закрыли глаза платкомъ и изъ глубины души пожалѣли о бѣдномъ Гопшекѣ, одержимомъ столь тягостнымъ припадкомъ сентиментальной скорби.

Разговоръ принялъ другой оборотъ, и Пуддингамъ объявилъ, что скоро выйдетъ новый

Историческій Романъ, въ которомъ главное дѣйствующее лице Карлъ V.

— »Я обожаю Романы, въ которыхъ дѣйствуютъ Короли и Королевы,« сказала одна изъ дамъ. »Какъ пріятно быть въ столь прекрасномъ обществѣ!«

— »Эпо, мнѣ кажется, ни сколько не придаетъ Роману занимательности; если эти лица замѣчательны только по своему званію, то занимательны не болѣе другихъ; если же они имѣютъ историческій характеръ, то Автору рѣдко удастся заставить ихъ говорить сообразно съ этимъ характеромъ.«

— »Но,« сказала Миссъ Люція: »величіе всегда занимательно. Тѣ же самыя дѣйствія, тѣ же слова Государя или простаго чловѣка, производятъ на читателя совсѣмъ не одинаковое впечатлѣніе.«

— »Я съ этимъ не согласенъ.«

— »Такъ вы не допускаете ни какихъ общественныхъ различій?«

— »Допускаю; но только различія породъ не генеалогическія, а геологическія; всѣхъ лю ей можно было бы раздѣлить на фамиліи *первозданныя*, *второстепенныя* и *поздныя*. Первозданными были бы тѣ, которыхъ генеалогическое древо теряется въ мракѣ вѣмъ; второстепенными тѣ, которыхъ еще не забыли эпохи своего возвышенія; а поздними тѣ, которыхъ еще недавно поднимались надъ водою, не имѣли бы еще времени сдѣлаться безплодными.«

Въ это время Миссъ Эппльби подозвала Чарльса къ себѣ.

Спрятанныя спешенія благородства, выдуманная Гигфильдомъ, показалась Люціи столько забавными, что Поэти, не смотря на свою форменную разсѣянность, замѣтила это, и почелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя усилія, чтобы привлечь къ себѣ ея вниманіе.

— «Этотъ молодой человѣкъ,» сказалъ онъ съ помноженіемъ: «очень уменъ и очень милъ; но онъ поверхностенъ; въ его душѣ нѣтъ силы, нѣтъ энтузіазма; въ ней не замѣтно присутствія бурныхъ страстей, развивающихъ геній. Я люблю людей,» прибавилъ онъ, торжественно произнося высокопарныя слова, которыя онъ, какъ бы по привычкѣ, называлъ: «я люблю людей, которыхъ крикъ кузнечика или паденіе поблѣлаго листка можешь повергнуть въ пучину мыслей; людей, которые умѣютъ уединяться въ многолюдствѣ и окружаютъ себя въ уединеніи мириадами фантастическихъ существъ, мерцающихъ идей, безъ формъ и безъ опредѣленныхъ размѣровъ; людей, для которыхъ существа оживленныя не что, какъ тѣни, а тѣни существа оживленныя; эти люди живутъ и движутся въ мірѣ, ими самимъ созданномъ; они представляютъ ничтожной толпѣ славный, но горестный образецъ страданій существа возвышеннаго, принужденнаго жить съ твореніями низшими и, подобно имъ, извлекать всѣ свои наслажденія изъ нѣмнѣжныхъ чувствъ, которыми одаренъ»

рила его скупая Природа!« Тутъ энтузіастъ упалъ на софу, истощенный силою своихъ ощущеній.

— »Какое возвышенное существо!« подумала Люція, и въ эту минуту она не смѣла ласкать себя надеждою, что можетъ быть предметомъ помышлений подобнаго человѣка. — »Да,« говорила она сама себѣ: »пространство неизмѣримое оцѣляетъ его опъ всѣхъ насъ: онъ человекъ не этого міра!«

§ VIII.

Жестокое паденіе.

Возвращаясь домой, героиня наша упала на софу: замѣтите, что она упала на софу; сѣсть просто было бы не достойно героини. И такъ она упала на софу, и размышляла нѣсколько минутъ о спрдаіяхъ Г. Гопшека, желая опъ всей души быть счастливою смертною, коюрою предназначено утѣлить его скорби. »О! для чего не могу я постигнуть, что дѣлаетъ его столь несчастнымъ!« сказала она, и не воображая, что бѣднику и самому трудно было бы объяснить эту задачу.

Между тѣмъ она извлечена была изъ этихъ прискорбно-сладостныхъ размышлений тѣмъ, что она увидѣла на спинкѣ софы. То были литеры; она посмотрѣла еще, прошерла себѣ глаза, опять посмотрѣла и, не имѣя болѣе возможно-сти сомнѣваться въ существенности этого ви-

дѣлѣ, она вспала, позвонила; но какъ люди пришли не такъ скоро, какъ ей хотѣлось, она звонила все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ явился Юба съ обыкновеннымъ своимъ важнымъ и рѣшительнымъ видомъ. Извѣстно, что Негръ, пользующійся въ домѣ господъ своихъ нѣкоторымъ уваженіемъ, не пошоропился ни для кого на свѣтъ.

— «Кто это сдѣлалъ?» спросила Люція, ука-
зывая на софу.

Юба подошелъ, посмотрѣлъ и началъ одну изъ самыхъ широкихъ своихъ улыбокъ, при ко-
порыхъ онъ выказывалъ все свои, бѣлые какъ
слоновая кость, зубы. Потомъ онъ сказалъ:
»Забавникъ масса Файрвишеръ!«

— «Какъ, Г. Файрвишеръ былъ здѣсь! и онъ
осмѣлился.»

— «Да да, сегодня упрямъ,» отвѣчалъ Юба,
продолжая смѣяться.

Люція созвала сейчасъ весь домъ, состояв-
шій изъ множества черныхъ господъ и госпожъ,
копрыхъ главное дѣло состояло въ томъ, что-
бы сваливать съ себя работу на другаго. Съ
тѣхъ поръ, какъ Люція записалась въ *синіе*, они
дѣлали, что хотѣли, а имъ обыкновенно хотѣ-
лось ничего не дѣлать, развѣ только подражать,
сколько возможно, госпожѣ своей въ одѣваньи
и въ манерахъ. Они пригласили въ кухню танц-
мейстера, чтобы учить ихъ вальсировать, и
не шутя намѣревались дать маскарадъ, или по
крайней мѣрѣ балъ. Черная кухарка была такъ

же нѣсколько синевата: она читала всѣ эти книжки, въ которыхъ слуги узнають обязанно-сти господъ своихъ, носила приюелевые башмаки и, когда надобно было готовить кушанье, надѣвала упреннее, черное шелковое платье. Кучеръ былъ почти столько же сентиментально несчастливъ, какъ и Г. Готшекъ, а судомойка обожала Миссъ Райтъ. Однимъ словомъ: кухня была, какъ весьма хорошо говорила Долли, родъ литературнаго рынка, и въ ней всегда вадлялось по нѣскольку Романовъ съ засаленными обертками. Изъ всего этого происпекало весьма естественнѣе то, что въ домѣ Г. Ли все шло наизворотъ. Потолокъ гостиной былъ весь покрытъ фестонами паутины, картины спрдали желухою, крысы свободно разгуливали по кладовымъ и чуланамъ, и созерщали тамъ, по словамъ Долли, дѣянiя, достойныя умственныхъ тварей; наконецъ во всемъ домѣ нельзя было ни на чемъ сѣсть, чтобы не оставишь слѣдовъ своихъ, оппечатанныхъ въ пыли. Добрый Г. Дiодоръ Файрвинперъ весьма любилъ чистоту, и всякой разъ, какъ бывалъ въ домѣ своего прiятеля, уносилъ на чистомъ своемъ черномъ платьѣ пыльные оппечатки, по этому ему вздумалось проучишь молодую хозяйку. Онъ написалъ пальцемъ на пыльномъ задкѣ софы четыре литеры, которыя должны были оскорбить гордость женщины, упрекая ее въ нерадивости. Этотъ разительный урокъ весьма неприятнымъ образомъ прервалъ сладостныя ме-

читанія Люціи и возбудилъ въ ней сильнѣйшій гнѣвъ. По звуку ея колокольчика сбѣжались всѣ слуги, мужеска и женска пола, и по ея велѣнію, щетки и метелки пришли въ движеніе. Какъ скоро узнали причину сей жестокой реформы, слуги начали бранить про себя Г. Файрвинпера, и отъ души желали, чтобы онъ со своими совѣтами провалился сквозь землю. Кухарка пвердила вполголоса, что черная кожа и бѣлая кожа въ глазахъ слѣпаго одинаковы. Кучеръ жаловался на огорченія, которыми преисполнена жизнь челоуѣка подвласшнаго, а маленькая черная горничная съ чувствомъ полковала о правахъ женщины. Старый Юба утверждалъ, что мосса необходимо долженъ вызвать Г. Файрвинпера на дуэль; но на этотъ разъ старикъ его не послушался.

— »Развѣ ты забылъ, что Файрвинперъ мой искренній пріятель?«

— »Такъ; но развѣ это мѣшаетъ вамъ убить его?«

Между тѣмъ домъ Г. Ли сдѣлался съ тѣхъ поръ образцемъ чистоты и порядка; такъ-то справедливо, что для мудраго довольно и одного слова.

Здѣсь я почишаю необходимымъ извиниться предъ моими *фашіонеблными* читателями и читательницами въ томъ, что позволилъ себѣ отступленіе отъ высокаго тона моего разсказа, отступленіе, которое они, конечно, замѣтили, если хотя немножко *синевагы*. Я не безъ

спраха принялся рассказывать домашніи подробности, которыя должны бы были навсегда удалены отъ взоровъ истинныхъ любителей Липерапуры и совершенствованія челоѳчества. Правда, что богиня мудрости сама занималась руководъльями, но это время прошло и прошло невозвратно. Я знаю также, что порядокъ въ домъ способствуетъ благосостоянію челоѳка и ощущаетъ его отъ вѣшнихъ развлеченій, часто вредныхъ и для спокойствія ума и для кармана. Но для меня всего важнѣе не подковаться долѣе о предметахъ, которые ни мало недостойны молодыхъ законодателей моды; иначе они могли бы провозгласить меня скучнымъ Авторомъ, а для меня лучше было бы обокрасить церковь или обанкротиться на нѣсколько милліоновъ.

§ IX.

Приключеніе, единственное во всей повѣсти.

Весна приходила къ концу, и пріятность погоды вызывала подышать свѣжимъ воздухомъ. Геронія наша всякой день гуляла верхомъ, и ѣздила съ ловкостью, исполненной пріятности, ловкостью отнюдь не женскою; и. е. она скакала, какъ гусаръ, такъ, чтобы перья и ленты развѣвались, волосы распускались вокругъ лица, воспламененнаго насильственнымъ движеніемъ, столь же неприличнымъ, какъ и опаснымъ въ улицахъ многолюднаго города. Кспати,

совѣтую молодымъ людямъ беречься дѣвушки, которая всегда ѣздитъ въ галопъ. Можно быть увѣреннымъ, что она все будетъ дѣлать по своему, и если не совсѣмъ скинетъ узду, то по крайней мѣрѣ закуситъ удила, что ни чуть не лучше.

Въ этихъ прогулкахъ Люціи всегда почти сопровождали двѣ ея родственницы, Гигфильдъ и Гопшекъ, который обыкновенно опспавалъ съ нею отъ прочихъ. Однажды (это было прешняго Мая, я очень хорошо помню) они поѣхали гулять; каждый былъ веселъ, какъ погдашняя погода, за исключеніемъ одного только Гопшека, для котораго музыка весны казалась разладицею, а улыбки Природы тягостною глупостію. Въ это время онъ былъ еще несчастнѣе обыкновеннаго: онъ замѣпилъ, что Люція принимаетъ участіе въ его горести.

Они счастливо избѣжали разныхъ опасностей, проѣхавъ уже при четверти улицы Бродвей: имъ не причинили никакого вреда ни рота милиціи, въ которой было болѣе барабановъ, чѣмъ солдатъ, и которую вели при бригадные Генерала, ни огромныя вывѣски, качающіяся надъ головами проѣзжающихъ, ни множество каретъ и экипажей всѣхъ возможныхъ видовъ и наименованій, ни толпы разносчиковъ, трубочисловъ, нищихъ; однимъ словомъ, они благополучно пробирались сквозь это смѣшеніе звуковъ и предметовъ, видимыхъ и невидимыхъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, натуральныхъ и

искусственныхъ, какъ, къ несчастію, женщина, футовъ чепырехъ ростомъ, совсѣмъ неожиданно выбѣжала изъ лавки: на ней была шляпка столь огромная, столь спранныя, что лошадь Люціи, никогда не выдававшая **маскарада**, никакъ не могла сохранишь своего **хладнокровія**. Она вдругъ поворочилась къ лошади **Г. Гопшека**, и взвилась на дыбы. Поэтъ нашъ, отъ разсѣянности или отъ задумчивости, не понялъ — (такъ по крайней мѣрѣ рассказывалъ онъ послѣ) не понялъ, въ чемъ дѣло; потомъ, собравшись съ силами, закричалъ: у! га! съ такимъ поэтическимъ жаромъ, что еще болѣе перепугалъ лошадь, и та еще сильнѣе начала бѣситься. Чарльсъ, который былъ нѣсколько впереди съ другими дамами, обернулся, услышавъ крикъ Гопшека. Въ одну минуту, онъ соскочилъ на землю, бросился къ Люціиной лошади, схватилъ ее за узду, вскричавъ: держитесь крѣпче! Тутъ началась ошчаянная борьба между имъ и бѣшеною лошадыю, которая продолжала вспавать на дыбы и лягаться. Опыавный молодой человекъ не выпускалъ узды изъ рукъ, пока наконецъ удалось ему схватить лошадь за ноздри и сжать ихъ такъ, что та въ ту жъ минуту остановилась. Прохожій помогъ Люціи сойти, и она едва избавилась отъ опасности, какъ лошадь, опамятовавшись, взвилась на заднія ноги, ударила передними въ грудь Чарльса, повергла его безъ чувствъ на землю, и пустилась, какъ стрѣла. Между тѣмъ Гопшекъ не уставалъ проклипать безжалостность про-

ходящихъ, которые хладнокровно смотрѣли на эту ужасную борьбу, не подавая помощи себѣ подобному; потомъ, упомнившись своими восклицаніями, онъ нѣсколько минутъ молчалъ, наконецъ полились изъ устъ его радостные привѣты Люціи, избавившейся отъ опасности, которая, не смотря на свою неважность, расперзала его сердце. Эти сентиментальныя изъясненія столь сильно подѣйствовали на Люцію, что она долго послѣ того ихъ вспоминала, между тѣмъ, какъ ей слѣдовало бы помнить совсѣмъ о другомъ.

Гигфильдъ не скоро пришелъ въ себя; его посадили въ наемную карету вмѣстѣ съ Люціей, и повезли домой. Гопшекъ не поѣхалъ за ними. Чувствованія его столь сильно имъ овладѣли, что онъ не могъ дѣлать ничего другаго, какъ только предаваться неизъяснимому волненію своего сердца.

§ X.

Дѣль любви.

Добрый Г. Лп, узнавъ о приключеніи, случившемся съ Люціей, съ жаромъ обнялъ Гигфильда, назвалъ его своимъ сыномъ, и едва не обнаружилъ намѣреній своихъ на счетъ замужства дочери. Послѣ этого взрыва чувствительности, онъ безъ милосердія напалъ на правителей города, которые дурными своими полицейскими распоряженіями причинили это несчастіе

и, конечно, еще множество других; ихъ всегда обвиняють въ несчастіяхъ, происходящихъ отъ неосторожности прохожихъ или отъ непредвидимыхъ случаевъ.

— »Проклятые правители!« кричалъ Г. Ли. »Эти глупцы запрещаютъ пускать на улицахъ змѣи и шупихи, вывѣшивая надъ головами проходящихъ слоновъ вмѣсто вывѣсокъ, и заваливать улицы ящиками и пустыми бочками, а позволяютъ женщинамъ прогуливаться въ шляпкахъ, которыя могутъ испугать самую смиренную лошадь! Я не понимаю, почему постановление о пустыхъ бочкахъ не могло бы простираться и на эти шляпки!«

— »Но, любезный другъ,« сказалъ Г. Файрвиперъ, который пришелъ осведомиться о здоровьѣ Люціи и Чарльса: »вы судите весьма странно; по моему мнѣнію, между дамой и пустой бочкой есть большая разница.«

— »О! если вы со мною не согласны, то и споръ конченъ,« отвѣчалъ Г. Ли.

— »Напрощивъ, этимъ-то споръ обыкновенно и начинается.«

— »Хорошо, хорошо, но мнѣ теперь нѣкогда разсуждать съ вами.«

Г. Файрвиперъ взялъ шляпу и одинъ вышелъ изъ дому, разсуждая про себя о томъ, что сдѣлалось съ его пріятелемъ, который, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ его знаетъ, отказался отъ спора.

На другой день упрямъ Гигфильдъ и Лю-

ція вспрыпились за завпракомъ; она еще не отдохнула отъ вчерашняго испуга; онъ былъ блѣденъ и не могъ поворотиться отъ боли во всѣхъ членахъ. Она благодарила его выраженіями простыми, исходившими прямо изъ сердца. У нея навернулись слезы, когда, по пзмѣненію лица Чарльса, она замѣтила, что малѣйшее движеніе для него мучительно.

— »Я никогда не позабуду, что вы избавили меня отъ смерти,« сказала она.

— »Я также,« отвѣчалъ Гигфильдъ, и онъ не сказалъ болѣе ни слова о семъ предметѣ.

Люціи не понравилось, что онъ пропустилъ такой прекрасный случай выказать свое краснорѣчіе. Она жила въ обществѣ людей, которые ставили слова выше дѣлъ, и потому проглательная рѣчь о геройскомъ дѣяніи казалась ей важнѣе эпюго дѣянія.

Въ эту минуту она небрежно положила въ рабочий ящикъ кошелекъ, который въ то время вязала, и Г. Готтшекъ вошелъ въ комнату. Тутъ героиня наша была вознесена на престоле небо потокомъ вдохновеннаго краснорѣчія, которое оставило въ тѣни мужественную простоту бѣднаго Чарльса, и заставило ее забыть его неуспрашимость и самоотверженіе.

Поэтъ нашъ изображалъ яркими красками ужасъ, произведенный въ немъ опасностію, въ которой находилась Люція, тысячи ощущеній, которыя лишили его возможности мыслить и дѣйствовать, жестокія мысли, водноавшія его,

когда онъ возвращался домой; спрашныя сновидѣнія, перзавшія его всю ночь, сновидѣнія, въ которыхъ Люція подвергалась величайшимъ опасностямъ, а онъ совершалъ дѣянія, которыхъ на яву и не придумаешь. Такимъ образомъ онъ какъ бы сдѣлался героемъ этого происшествія; по крайней мѣрѣ Миссъ Ли была почти увѣрена, что Чарльсъ игралъ шутъ только вторую роль.

— »Воптъ,« сказала Гопшекъ, подавая Люціи раздушенную бумагу, — »вотъ, что дѣлалъ я въ эту ужасную ночь: вы можете вообразить, что я не смыкалъ глазъ.«

— »Такъ вы видѣли во снѣ, не закрывая глазъ?« сказалъ Гигфильдъ: »потому что вы сейчасъ говорили о вашихъ сновидѣніяхъ.«

— »Можно мечтать и не закрывая глазъ,« отвѣчалъ презрительно Гопшекъ.

Люція начала читать съ расстроганнымъ и торжествующимъ видомъ мечтанія Поэта, и Чарльсъ ушелъ. Посмотрѣвъ за нимъ вслѣдъ, она вскричала: »Въ этомъ человѣкѣ не больше чувства, энтузіазма и генія, какъ... какъ...« Она не нашла сравненія, которое бы могло вполне выразить ея негодованіе.

— »Увы!« сказалъ Гопшекъ: »онъ тѣмъ счастливѣе! Онъ не знаетъ, что значить вкушать горькій алоэ обманутыхъ надеждъ, гонясь за недостигаемыми мечтами, жаждать того, чего не смѣешь созерцать, даже въ отдаленіи; наконецъ, исчезнуть изъ вида людей, изъ-подъ живитель-

ныхъ лучей солнца, съ лица земли, исполненной смятеній, и не оставишь послѣ себя ничего, кромѣ щепотнаго имени. О! Люція, пожалейте обо мнѣ,» вскричалъ онъ, схвативъ руку дѣвушки.

— »Жалѣю, оцъ всего сердца жалѣю васъ, Г. Готшекъ,» отвѣчала она, расстроганная живымъ изображеніемъ таинственной печали. »Жалѣю о васъ, и мнѣ хотѣлось бы васъ утѣшить. Откройте мнѣ причину вашей печали.«

— »Я люблю, и люблю безнадежно!«

— »Кто жъ предметъ этой любви?» спросила Люція съ пренеющимъ сердцемъ.

— »Существо божественное, которое я всегда вижу въ лучахъ ослѣпительныхъ, предметъ моихъ мечтаній, когда я бодрствую, и сновидѣній, когда я предаюсь усыпленію; смѣлость этихъ сновидѣній устрашаетъ меня, и я пробуждаюсь, трепеща отъ моего святошества! Нѣтъ! никогда дерзновенный взоръ мой не осмѣлился созерцать во всей славѣ это свѣпило, которое ниспускаетъ на меня палящіе лучи свои изъ сферы далеко, далеко за предѣлами моихъ мечтаній.«

— »Это по крайней мѣрѣ царица,» сказала Люція, краснѣя отъ отвѣта, который предвидѣла.

— »Да, да, царица любви и красоты!« вскричалъ Поэтъ, восхищенный своимъ отвѣтомъ.

Они нѣсколько минутъ молчали: Готшекъ не зналъ, какъ бы ему спуститься съ сеними-

менпальной высоты, на которую онъ изобразился, и начать разговоръ обыкновенный. Наконецъ онъ сказалъ:

— »Скажите мнѣ, Миссъ Ли, скажите мнѣ что такое любовь?«

— »Не знаю,« отвѣчала Люція, скромно покраснѣвъ.

— »Позвольте мнѣ отвѣчать за васъ, сестрица,« сказалъ Гигфильдъ, который въ эту минуту вошелъ въ комнату. Люція вздрогнула; высокопарный обожатель ея смѣшался.

— »Любовь,« продолжалъ Чарльсъ; »любовь есть странное смѣшеніе шалостей дѣйства и страстей совершеннаго возраста; она скрываетъ, подъ пріятною наружностію, намѣренія самыя коварныя, виды самыя эгоистскіе; она довольна только тогда, когда дѣйствуетъ вопреки разсудку, приличію, долгу. Любовь изображаютъ въ видѣ ребенка, потому, что она заботится только о своихъ собственннхъ удовольствіяхъ и никогда не исполняетъ своихъ обѣщаній.«

Это описаніе любви не нравилось Готтшеку; но, по какой-то, неизвѣстной намъ, причинѣ, онъ не посмѣлъ излить потоки своего краснорѣчія. Люція вступилась за маленькаго божка.

— »Какое чудовище вы изъ него сдѣлали!« сказала она.

— »Есть и другая любовь, любовь возвышеннѣйшая,« продолжалъ Гигфильдъ съ энтузіазмомъ, какого онъ никогда не показывалъ при Люціи: »и эта любовь, божество людей рассу-

дѣльных, есть существо совершенное, опредѣленное, желающее только счастья предмета, къ которому оно обращается, неумѣющее ни льстить, ни лгать, ни обманывать; котораго неудача не можетъ унижить, успѣхъ не дѣлаетъ надменнымъ; которое само себя уважаетъ, жертвуя добровольно сердцемъ, неувлекающимся ни выгодами, ни страхомъ.»

Въ полномъ, пріятномъ голосѣ Гигфильда было нѣчто увлекающее, какая-то музыкальная прелесть, которая даже и нелѣпымъ словамъ могла бы придать убѣдительность. Съ этимъ рѣдкимъ качествомъ соединялъ онъ образъ выраженія, исполненный мужественной простоты, важности и чувствительности, заключенныхъ въ границахъ, равно отдаленныхъ и отъ принужденности и отъ сухости. Даже дѣши чувствующее могущество этого образа выраженія, происходящаго отъ основательности сужденія и отъ добросовѣстности; и любители ложнаго блеска принуждены бывають признавать силу истины, облеченной приличною ей формою. Чувствованія, съ давняго времени заглушаемыя, и волненіе, въ которое пришелъ Чарльсъ, когда отчасти ихъ выразилъ, оживили лице его, которое дополь было покрыто смертною блѣдностію; огонь глазъ его, живой цвѣтъ лица придавали красотѣ его блескъ необыкновенный. Онъ сползалъ, прислонясь къ камину; одна рука его висѣла на плашкѣ, и во всемъ видѣ его выража-

лась борьба между силою его чувствованій и слабостію тѣла.

Ни Г. Гопшекъ, ни Люція не отвѣчали ни слова. Первый чувствовалъ себя не въ состояніи сослѣзаться съ этимъ чистосердечіемъ, этою силою убѣденія, этою поразительною важностію; послѣдняя была пронута такъ, какъ не бывала даже, когда Гопшекъ высказывалъ ей свои самыя сентиментальныя хитросплетенія. Она видѣла, что Гигфильдъ говоритъ прямо отъ сердца, что онъ чувствуетъ то, что говоритъ. Онъ влюбленъ, подумала она; я въ этомъ увѣрена, но въ кого же? Безъ сомнѣнія въ какую нибудь деревенскую дѣвушку, породную, круглолицую и курносую, — и маленькій Греческій ея носикъ сморщился презрительно, когда она подумала объ этой дѣвушкѣ. Между тѣмъ желаніе узнать предметъ любви, которую Гигфильдъ такъ хорошо выражалъ, заставило ее забыть на время и прекрасные стихи и прекрасныя рѣчи знаменитаго Поэта.

— «Извините,» сказалъ Чарльсъ: «и болтовство мое и то, что я такъ неучтиво прервалъ разговоръ вашъ. Я только пришелъ сказать вамъ, Миссъ Люція, что бабюшка зоветъ васъ къ себѣ.»

Гопшекъ раскланялся, Люція пошла къ опцу, а Гигфильдъ легъ въ постель, потому, что онъ былъ совсѣмъ болѣнъ отъ своихъ ушибовъ.

(Продолженіе впредь.)

2. С Т Р Е Г А.

Сочиненіе Эрнеста Фукье.

Переводъ съ Французскаго.

(Издатели получили сію спашью при слѣдующемъ письмѣ:

»Не знаю, охотно ли вамъ меня выслушать, а мнѣ весьма хочется поговорить откровенно съ вами. Правда, мнѣ намѣкали спорною бытъ осторожнѣе, будто бы вы — какъ бы сказать вѣжливѣе — взыскательны; да не вѣрю, это пустяки.

»Вотъ я предъ вами, какъ на исповѣди; но скажите прежде: вѣдь это неправда, что мнѣ шепчуть: смотри, будешь каяться послѣ покаянія? Вѣдь вы добры?—Меня такъ напугали!

»Начну съ начала, что я хотя и не прекрасна, а все состою въ общемъ счетѣ твореній подъ спашьею прекраснаго пола; а коротко, да ясно, я женщина, какъ увидите и изъ подписи. Обстоятельства произвольныя или невольныя — объясненіе ихъ ни къ чему не послужитъ, — но обстоятельства лишили меня занятій, приличныхъ мамери, хозяйкѣ. Уединенно пріютилась я въ маленькой комнашкѣ вепхаго домика на грязномъ берегу одной изъ безчисленныхъ Черныхъ рѣчекъ, гдѣ большую часть времени, волею, неволею, провожу праздно, совершенно праздно. Развлекаюсь мнѣ не чѣмъ: ни одного кустика подъ окномъ не зеленѣетъ, а заборъ въ двухъ шагахъ опшимаешь видъ и на пасмурное небо мокраго вашего лѣта. Только

зимою снѣгъ на сосѣдней кровлѣ напоминаетъ мнѣ, что всѣ переѣхали уже съ дачъ.

»Разумѣется, что иногда бываетъ мнѣ скучно, иногда жъ и грустно. То ли дѣло быть мужчиной: спала бы философствовать, размышлять о семъ, о томъ, ни о чемъ; да въ женскихъ пенсіонахъ не положено преподавать Философію, а потому не знаю, какъ и начать философствовать. Вѣрно по этому же, сколько ни билась, никакъ не поняла и по-Русски *Опытной Физики*, которую одинъ насмѣшникъ, вѣрно себѣ къ забавѣ, далъ мнѣ прочитать, увѣривши, будто очень занимательна. Вы скажете: не швое бабье дѣло; займись лучше работою, вяжи чулокъ, когда не знаешь другаго. Согласна; но неудачи часто опнимають охоту.

»Я шью порядочно по канвѣ. Трудюсь; работаю, не жалѣя ни рукъ, ни глазъ, ни груди; кончу, упрошу понести на продажу; и — не взглянувши даже: »по ли въ магазинъ!« а подѣ часъ отпускають безъ вины убійственныя: »попрошайка!« Пошлешь по магазинамъ: »нейдетъ съ рукъ; мало покупателей;« кое какъ упросишь взявъ, и то съ обожданіемъ часны плапы; едва выручишь за канву, гарусъ и узоръ; а послѣ посмотришь мимоходомъ: выставлено на показъ за зеркальнымъ окномъ, выдается за привозное, заморское, и какъ дорого стало; за то »какъ и хорошо!«

»Повинюсь еще. Сколько ни вязала, ни шила, механическая работа, гдѣ лишь считаешь

пешли чулка или сѣпки канвы, плохо развлекаетъ, не занимаетъ ни ума, ни сердца, ни воображенія; грусть оспаетъ при мнѣ неразлучно. Не смотря на всю власть свою, вы, господа мужчины, если хотя немножко захочете показать безприсраспѣ, не опвергнете, что такое Провидѣніе, наградивъ васъ такъ щедро, и намъ бѣднымъ пварямъ удѣлило маленькую частичку ума; въ доказательство чего вы сдѣлали даже пословицу, правда не такъ-то вѣдливую: »бабій умъ понокъ, какъ волосокъ;« сердца же, воображенія лишитъ насъ — не погнѣвайтесь, наши повелители: мы поспоримъ, постоимъ за себя.

»Вы сочли однихъ себя достойными основательнаго образованія; свой только умъ полагаете способнымъ для высшаго просвѣщенія. Справедливо ли? Къ лучшему ли? Иногда удоспѣваете признавать насъ спутницами жизни своей. Если сія спутница, а не раба, должна улаживать дни ваши, то чего ждете, когда мы соспарѣмся, когда съ весною жизни опцвѣтнутъ наши красы, а нѣтъ въ запасъ образованнаго ума? Удовлетворяетъ вашему аппетиту, хозяйничаетъ, сможетъ и покрывать морщинами спаруха; но подать благой совѣтъ, ободритъ васъ, направитъ первый впечатлѣнія вашихъ сыновей?... Боже храни! какихъ названій намъ не даете! Несносная, брюзгливая, сварливая спаруха. Отъ пустаго разговора со спарухой, когда нѣтъ другой приманки, бѣгаете, какъ отъ

чумы. А мы,—мы все это знаемъ, и не смотря на то, предупреждаемъ и прихоти ваши, охотно готовы на все для васъ, лезимъ или плетемся, когда только не ополкнете, на край свѣта, въ пустыню, чтобы служить вамъ. Въ однихъ васъ видимъ цѣлый міръ; на однихъ васъ сосредоточиваемъ всѣ желанія, всѣ помыслы наши.

»Иногда вы невольно, господа, сознаетесь, что не совсѣмъ правы; вы столько написали разсужденій о воспитаніи насъ, женщинъ, что едва ли насчитаете столько сѣпочекъ въ большомъ коврѣ канвы; да и такъ запутанно написали, какъ не спускаетъ шелковъ и любимая кошечка, играя въ отсутствіе мастерицы. Если ваша, господинъ Журналистъ, супруга, если ваши дочери занимаются шитьемъ по канвѣ, если у нихъ есть любимая кошечка; спросите, сколько имъ труда достается распутать кошечкины игрушки, сколько приходится порвать, бросить? Пересмотрите же ваши сочиненія о воспитаніи и предназначеніи вашихъ женъ, вашихъ дочерей!

»За что же вините насъ, когда иногда и самолюбіе беретъ верхъ надъ нашимъ необразованнымъ разсудкомъ? Самолюбіе! О! это самый лукавый демонъ. Думаю, что вамъ, господину Журналисту, должно быть сіе хорошо извѣстно по опыту, на самомъ дѣлѣ. Вы вѣрно опговоритесь, что безъ самолюбія ни чего великаго быть не можете; а сколько за то плохаго причтется на одно великое? Сколькимъ, сказать между

нами, новорожденнымъ пропѣла забавница Сѣверная Пчела вѣчную память, не дала и взглянуть на бѣлый свѣтъ, живьемъ зарыла?

»Эпиптъ лукавый демонъ соблазнилъ и меня. Опъ нечего дѣлать выпросила новый Романъ; опъ скуки прочла; вспомнила, какъ бывало переводила въ пансіонѣ, и перевела нѣсколько страницъ, а тамъ и все; добрые знакомые расподковали мнѣ Испаліянскія, Англійскія, Латинскія слова и эниграфы. Но шупъ еще не конецъ.

»Самолюбіе подспрекнуло, что могу подѣлиться съ моими соотечественницами удовольствіемъ прочитавъ сей Романъ, хотя въ плохомъ переводѣ. Не всѣ же должны знать, не всѣ же знаютъ по Французски, подумала я; да и разносчики не вѣдаятъ еще по нашимъ деревнямъ съ Французскими книгами.

»Спросите: къ чему сей переводъ? Романы и въ подлинникъ и въ напуръ вредны! Правда; но не вся ли жизнь наша романъ; а какъ вспомнишь, то какой зашутанный! Разносчикъ по пальцамъ, да на счепахъ расчитываетъ вечеркомъ, на сколько продалъ, сколько взялъ барыша; всякъ ли такъ разочлещетъ свою жизнь? Всякому ли прійдетъ охота, хотя не въ голосъ, а въ пишущія ночи, исповѣдаться предъ самимъ собою? Охотнѣе судимъ о дѣйствіяхъ лицъ въ Романѣ: вѣдь это дѣло чужое. Добавьте, что голая истина жестка; а на жесткомъ ложѣ, и вы, господа, при всей силѣ своей, при всемъ образованіи презираете чувственнаго, не такъ-то охот-

но засыпаете! А Романъ такъ нѣжно, такъ сладостно убаюкиваетъ.

»Вотъ почему перевела я Романъ; а вотъ, почему избрала именно сей. Мои лѣта, долгоевременный горькій опытъ въ жизни, даютъ мнѣ, кажется, право сказать нѣсколько словъ о томъ, что такъ близко намъ, женщинамъ.

»Если намъ не дано воспитанія, основаннаго на истинныхъ правилахъ Вѣры, на чистѣйшей нравственности, если сіе воспитаніе не приспособлено къ будущему предназначенію въ жизни; то до чего часто не доводятъ такъ называемая судьба, случай, а лучше сказать, наше женское неблагоразуміе? Чему не утатъ насъ въ пансіонахъ? И не перечтешь всѣхъ Наукъ и Искусствъ, а о главномъ ни слова: о нашемъ предназначеніи, о людяхъ, спутникахъ въ жизни. Вотъ, поверхностно всему изучивши, выпускаешь; зная все и ничего, ворошимся въ домъ родительскій, въ домашній бытъ, точно какъ на чужую, незнакомую сторонку, гдѣ никого не понимаешь, и на все смотришь сквозь граненое стеклышко отъ люстры. Счастлива та, кому въ удѣлъ дана мать наставница, или другъ руководитель!

»Когда ко всему этому присовокупился, что Природа была злою мачихою: не только не дала наружной красоты, но на бѣду вложила сердце чувствительное, вдохнула душу пламенную, страсти сильныя; когда за безобразіемъ не найдешь пріятна, когда сердце, душа не со-

грѣшны, существа не раздѣлены; по до чего не дойдемъ такая женщина? Если бы злая вѣдьма могла существовать, то это была бы женщина безобразнѣйшая, безъ вѣры, безъ воспианія, безъ силы терпѣливо переносить свой жребій, но обуреваемая пылкими страстями.

Не вы ли, мужчины, смотрите чаще на одну скорлупу, предпочитаете наружность, прельщаетесь вѣшнею красотою, а наше сердце, наши чувства, наклонности? — Не справляйтесь! Не гнѣвайтесь же: часно вамъ подѣламъ. Случалось иногда мнѣ слышать, будто и красавицъ вы жалуете — не скажу, во что.

Я не смѣю судить о характерахъ въ Романѣ Торальди, Жюстина. Они мужчины, а вы, господа, всегда правы:

»Кто силенъ, тотъ и правъ!«

Препровождаю для помѣщенія въ издаваемомъ вами Журналѣ одну главу, когда найдете достойною, пока весь Романъ будетъ напечатанъ. Опрывокъ сей не лучший. Есть много мѣстъ занимательнѣйшихъ, обработаннѣйшихъ; но предпочла потому, что объясняетъ заглавіе Романа.

Работникъ пріебуетъ платы за трудъ, а я хочу, чтобы мой переводъ прочли. Любопытство до чего не доводитъ не однѣхъ насъ, женщинъ! Можетъ быть, увлекаюсь непоспѣжимымъ заглавіемъ Романа, и потому не перевожу слова: *Стрега*. Пусть уже нянюшки въ сказкахъ, да Порфирій Байскій въ Повѣстьяхъ,

населяють Русскимъ непріязненнымъ *замѣча-
ніемъ* Спреги знаменитый древній городъ, кра-
сота и набожность жителей котораго дол-
жны бы давно изгладить и память о такомъ
ужасномъ существѣ. И такъ оставляю въ за-
главіи иностранное слово: Спрега. Название де-
ло важное не въ одной книгѣ: вѣроятно и вамъ
случалось сіе испытать. Притомъ, непоспѣжи-
мое придаетъ какую-то таинственную привле-
кательность, какую-то невыразимую заманчи-
вость! Не правда ли?

Вы найдете гибель недостатковъ въ моемъ
переводѣ. »Трудъ дамы« не паспортъ на снисхо-
дительность крипика. Сознаюсь впередъ въ сла-
бости. Училась я, какъ говорятъ, чуть не на
мѣдныя деньги въ единственномъ, слѣдственно
лучшемъ пенсіонѣ нашего уѣзднаго города. Бы-
вало на торжественныхъ собраніяхъ, предъ всею
окрестною публикою, читала свои переводы и
даже сочиненія, а »за отличное прилежаніе и
благонравіе« получала награды; но вышедши изъ
пенсіона, не до переводовъ было мнѣ. За то
сколько и забыва! Позже обстоятельства завлек-
ли меня сюда, а скука, грусть, самолюбіе вы-
водятъ теперь на незнакомую дорогу, и, мо-
жетъ быть, доставляютъ удовольствіе пострани-
чничать въ тетрадѣ Ковровскаго или другаго
Владимірской Губерніи разносчикъ по всемъ
концамъ обширной нашей матушки Россіи,
по всемъ проселочнымъ дорогамъ и глухимъ де-
ревнямъ.

Люблю зашѣливую промышленность странствующихъ нашихъ разносчиковъ. Гдѣ они не бывають? о чемъ не развѣдають? Славный народъ! Какъ бы раскричались объ нихъ, какъ бы описали ихъ во Франціи, въ Англіи; а у насъ никто ими не занялся, никто не помѣстилъ объ нихъ статейки въ Журналъ, ни даже.... Спросите, и какъ толково разскажутъ вамъ о богатствѣ и бѣдности жителей, ихъ потребностяхъ и вкусахъ, ихъ порокахъ и доблестяхъ; о всѣхъ путяхъ дорогахъ отъ Колы до Эривани, отъ Варшавы до — куда угодно. Когда бы только дѣятельная жизнь опіяла у сихъ странниковъ навсегда охоту выпускать въ торговлю и собственнаго своего произведенія нравственно-сапирическія статьи, въ родѣ, напр., какого нибудь Пустынника; а то чего не выведутъ наружу злодѣи? Но до этого покаместъ еще далеко; а теперь разносчикъ на нѣсколькихъ, шуго набитыхъ шельгахъ является въ деревнѣ. Звукъ бубенчиковъ на лошадяхъ извѣщаетъ о неперѣливно ожидаемомъ приѣздѣ его. Вы, жители столицы, вы не можете представить себѣ, какое производить онъ волненіе, какъ всѣ наперерывъ къ нему спреляются, какъ онъ удовлетворяетъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ состояніямъ; какъ предугадываетъ всѣ вкусы. По первому слову распознаетъ, какой поваръ показатъ лицомъ, кому что и какъ предложить; да и какая смѣшливость въ выборѣ товаровъ: нѣтъ зажежалыхъ, что ни куплено, все распродано, и

въ одинъ путь, и съ барышкомъ. О, вы не постигаете, что такое разносчикъ! Что ваши магазины!

Вотъ онъ на барскомъ дворѣ, вотъ предъ деревенскою барынею хозяйкою развертывается на нѣсколькихъ листахъ реестръ своихъ поваровъ, гдѣ всему »последняя цѣна,« все такъ дешево, такъ необходимо, такъ пріятно манишь всѣ чувства. Чего тутъ не найдете? Все, и все такъ искусно перемѣшано, какъ въ винегретѣ Пѣмецкой пракипирицы остатки вчерашней заказной пирушки. Тутъ: икра, духи, помада, холстинка по 30 копѣекъ за аршинъ, парча, крашенина, Французскій апласъ, нитки, кружева, портреты всѣхъ знаменитыхъ лицъ, сахаръ, чай, сельди, шерстяные колпаки, теплые сапоги, набивные золотомъ плашки. Тутъ и книги, все самыя новыя, самыя занимательныя, самыя дешевыя (сіе прилагательное во всемъ необходимо), и »въ въ Москвѣ берутъ на перехватъ, послѣдніе выпросилъ экземпляры, и то по знакомству.«

Когда маменька перебираетъ, пробуетъ, торгуетъ холстинку для горничныхъ, чай, сельди, барышни между тѣмъ займупся пересмотромъ помады, духовъ, блонды, гребней; взглянутъ и на книги. Авось и мой переводъ попадется въ ихъ ручки. Полюбопытствуютъ, купятъ, прочтутъ украдкою послѣ ужина, не у камина, которые, къ счастью, не въ модѣ еще по нашимъ деревнямъ; и то при тридцати-

градусныхъ морозахъ съ рѣзкимъ вѣтеркомъ, при чудесной архитектурѣ домовъ, доставили бы занятія воспитанникамъ Медицинской Академіи, да вольнопрактикующимъ заѣзжимъ Докторамъ. А знаете ли, что и сіи фигуры, хотя не всегда ярко блестятъ, а все показывающіяся на узднхъ горизонтахъ рѣже неподдѣльныхъ брилліантовъ на маскарадѣ у Энгельгарта. Можетъ быть, милыя мои чипательницы въ пишинѣ ночи, при романитескомъ свисѣ въюги сквозь плохоприпворяющіяся спавни, увлекутся воображеніемъ, вздохнуть; а кто, даже изъ васъ, не согласится, что сердечный вздохъ, взволновавшій прелестную грудь невинной дѣвушки — дорогая награда? Это лучъ восходящаго солнца, опразившійся въ упренней ростъ пышной розы. Признаюсь откровенно: предпочитаю мнѣніе своего пола, и когда заслужу такой вздохъ, что мнѣ изши нападки, что всѣ крипики на мой переподъ! Я очень откровенна, не смотря, что за сіе часто мнѣ достаётся; потому, скажу вамъ еще правду: что часто, къ тому пригладись. Безпреспанными нападками пріучили вы насъ, если не совсѣмъ равнодушно принимаешь ваше сужденіе, не смѣю сказать пересуды, то не долго удерживать въ памяти, не пугаться. Вы потребуете, чтобы во всемъ была часто неразгадаемая ваша воля: повинуюемся; но и путь ни какъ не угодимъ, все не въ попадь. Танцуемъ ли, играемъ, поемъ, во всемъ найдете недостатки; что ни сдѣлаемъ, все не такъ, все окри-

пикуете, да и какъ еще, и не избѣгаемъ вашихъ замѣчаній отъ малѣйшей складки въ уборкѣ нашего плащя, отъ верхняго волоска головной нашей прически до цѣпа башмачка. Спасаемся угодишь вамъ, предупредимъ желанія ваши; а вы, неблагодарные! Покоряемся, безмолвствуемъ предъ судомъ вашимъ, по крайней мѣрѣ не печатаемъ своихъ возраженій, своихъ антикриптикъ. Кто лучше васъ, господинъ Журналистъ, знаетъ Русскую Словесность? Укажите же мнѣ хотя одну печатную криптику Русской Писательницы, даже на своихъ соперницъ. Бранимся, и еще на бумагѣ, это дѣло васъ, мужчинъ; а мы, женщины, можемъ только поворчать дома; а въ слухъ, а въ публикѣ: бѣда! Какъ ни будь права, шопчасъ и въ правду прослышешь злою, злѣе Спреги.

И такъ, если за недостаткомъ лучшаго, удостоится и мой переводъ *безпристрастной критики*, гдѣ, какъ въ именинномъ пирогѣ съ фаршемъ, начинены будутъ невинно-оспиряшупочки, которыя такъ мило ободряютъ начинающихъ, что жъ дѣлать? За поправку, за указаніе, останусь признательною, точно также, какъ на замѣчаніе, что корсепъ мой дурно сидитъ, что шляпка не къ лицу, а на прочее отмолчусь. Меня приучили изъ дѣлства быль терпѣливою, да и не люблю вовсе, когда и чужіе бранятся.

Кончу вотъ чѣмъ. Вы, да вѣрно и іисъ знаютъ, что если женщинѣ прійдется что въ

голову, такъ не выбьешь опшуда и пестомъ. Я задумала, и перевела Спрегу. Когда не заслужу болѣе, то все уже выиграла развлеченіемъ; прогнала на нѣсколько времени свою скуку, разсѣяла немного свою грусть. А какъ исполнила? Пищу какъ могу; перевожу какъ умѣю.

Готовая къ услугамъ
Елисавета Бездольная.)

Октябрь 1833.

XXIX.

Зада съ двумя каминами.

.
.
. Передняя дверь была вся
растворена; а на порогъ неподвижно стояла, опираясь
на суковатый посохъ, старушка, черная, съ глазами
сверкающими, съ согбенною спиною. Спрега!

XXX.

С Т Р Е Г А.

Les Zingaris sont un peuple sauvage, noir et horrible.

Munster (Cosmographie.)

Leurs femmes deviennent en vieillissant les plus laides créatures du monde.

Swinburne.

Это была она! До сихъ поръ ея появленіе въ Беневентѣ, въ Павзилипо, особенно близъ павильона въ лѣсу, всегда приводило Паулу въ ужась; а часто лишь пронзительный и дикій смѣхъ возвѣщалъ ея близость; теперь сіе суще-

ство таинственное, котораго лѣта, имя, никому невѣдомы, предстало въ обширной, ярко освѣщенной залѣ. На свѣтлой блестящей полосѣ выказывалась Спрега, какъ черная точка, предвѣстница бури на ясномъ небѣ. Присутствіе ея наводило грусть, какъ скорбная мысль, поразившая сердце, исполненное радости; было зловѣще, какъ привидѣніе, явившееся посреди блага дня, и пробѣгавшее при блескѣ солнечныхъ лучей сквозь устрашенную толпу.

Теперь же сіе зловѣщее привидѣніе, Спрега, явилась не въ ясный день, не посреди многолюдной толпы, но въ глухую ночь, при освѣщеніи отъ люстры и двухъ каминовъ, предъ двумя сильно испуганными существами, Паулою и Онуфрію.

Паула, внѣ себя отъ ужаса, упала на колѣна, почти безъ голоса, безъ чувствъ. Онуфрію имѣлъ еще столько бодрости, что схватилъ спялнницу и окроплялъ Спрегу святою водою; не взирая на сіе, она приближалась, припворивъ за собою двери.

— »Остановись!« сказала Спрега. До сихъ поръ едва удавалось взглянуть на нее или услышать ея смѣхъ, сходный со скрежетомъ зубовъ; теперь она предстала, не скрываясь; теперь говорила, но голосомъ хриплымъ, слабымъ, прерывистымъ, какъ бы вырвавшимся изъ груди истощенной. Звукъ ея рѣчей былъ пронзителенъ, а въ ея взглядѣ, въ движеніи ея губъ выражалась язвительная насмѣшка...

— »Остановись, прерви свои заклинанія: я не духъ ада, изгоняемый святою водою. Не колдовствомъ, не чарами проникла я сюда. Вороша замка останавливались непритворенными; я дождалась, пока люди ваши заснули; и видя, какъ ярко освѣщена сія зала, вошла, очень желая видѣть васъ, госпожа Маркиза.«

Послѣ сихъ словъ она вперила въ нее взоры, сверкающіе, злобные, коварные. Успрашенная Паула не въ силахъ была ихъ вынести; она отворотила голову, протянула обѣ руки, какъ бы ошпакивая. Онуфрію отважился было выступить на встрѣчу старухѣ, но что-то непоспѣшное заставило его отступитъ.

— »Я знаю,« продолжала Спрега: »что всѣ меня чуждаются, и — я не права, испытывая еще разъ въ жизни отвращеніе людей: но повторяю вамъ, госпожа Маркиза,... я васъ видѣла только разъ, только мгновеніе.... быстрое мгновеніе.... Вы думали, что оно составитъ счастье всей вашей жизни.... Заблужденіе!«

Тутъ она злобно, язвительно улыбнулась.

— »Я повторяю вамъ, Маркиза; мнѣ весьма нужно было васъ опять увидѣть.«

Она подвинулась на нѣсколько шаговъ къ Паулѣ. Онуфрію, чтобы остановить ее, прибѣгнулъ къ послѣднему средству: крестясь, бросился предъ нею на колѣни. Какое пожертвованіе! Набожный монахъ преклоняетъ колѣни предъ женою проклятою, предъ участницею въ

ночныхъ сборищахъ злыхъ духовъ; но мы уже знаемъ, почему Онуфрію такъ былъ привержень къ Паулъ: онъ такъ любилъ ея мать!

Умоляющій взоръ добраго старца остано- вилъ Спрегу. Черты ея лица измѣнились; не насмѣшка, не злоба отразились въ нихъ, но глубокая грусть и мрачное опечаленіе.

— »Я ужасъ сей страны, опъ меня жадушъ лишь зла; о! это за то, что мнѣ нанесли его; но если бы люди поступили со мною хорошо, кто опгадаешь, чѣмъ бы могла я быть? Выслу- шайте меня, взгляните на мое лице. Я суще- ство опвраишительное, ужасное для взора: меня такъ создало небо; было время, когда люди ме- ня преслѣдовали, какъ хищнаго звѣря. Двухъ су- токъ я не могла провести въ одномъ мѣстѣ. Я Цыганка, опраслъ племенн опверженнаго. Оп- вавъшесь взглянушъ мнѣ въ глаза; можете быть, еще найдете въ нихъ искры пламенной души. Выслушайте же меня; до сихъ поръ я не нашла еще, кому бы разказаиъ свою исторію.

»Обуреваемую бѣдсипвіями жизнь свою про- вела я, скитаясь, подвергаясь въ избыткѣ силь- нымъ впечатлѣніямъ. Сіи чувства сжались, преис- полнили душу мою, растерзали ее, и часто дово- дили меня до изступленія. Нигдѣ не нашла я привѣта, и — я спала зла.»

Онуфрію и Паула ничего не опвѣчали. Нѣ- мо смолчали они на нее; или же монахъ, при- слонясь къ камину, тихо шворилъ молитвы, а

Паула безъ нужды подкладывала дрова въ каминъ.

— «Я Цыганка, не вѣдаю моею родины: людямъ нашего племени незнакома страна родная. Кто мой отецъ, кто моя мать, вовсе не знаю; изъ моего дѣтства помню лишь потъ вечеръ, ту ночь, когда паборъ Цыганъ, съ которыми странствовала, собрался у большого пламеньющаго костра. Вдругъ спаруха, но не мать моя, схватила меня, совлекла лохмотья одежды, едва меня прикрывавшія; рука ея направила огромный ножъ на мою грудь. Они готовились меня убить, меня сожрать; какъ вдругъ отдаленный шумъ пресѣкъ приготовленія сего несподоваго празднества; вся шайка разбѣжалась, и я спаслась бѣгствомъ.

»Съ тѣхъ поръ я такъ же пила отворачиваніе къ своему племени, какъ ваши соплеменники питаются къ своимъ. Я была тогда еще дѣвѣй, а уже стала во всемъ мѣрѣ круглою сиротою, одинокою, безъ руководителя въ жизни, безъ силы снискивать пропитаніе, безъ ласки въ опраду. Я бродила изъ деревни въ деревню, испрашивая подаянія, плача, умирая съ голоду. Если возбуждала состраданіе, мнѣ бросали кусокъ хлѣба, не удостоивая подать, бросали презрительныя, чѣмъ вы бросаете своимъ собакамъ; если же случайно приходила мнѣ охота поиграть со встрѣтившимися дѣтьми, меня прогоняли, меня били, приговаривая: — «охъ! какъ она гадка.»

— »Какъ она гадка! Сей опзвъ преслѣдовалъ меня повсюду и всегда, а съ возрастомъ, съ развитіемъ понятій спановился все убійственнѣе.

»Мнѣ минуло чепырнацать лѣтъ, когда я остановилась однажды въ большомъ городѣ, названія котораго не знаю. Тогда былъ праздникъ. Всѣ жипели, мужчины и женщины, разгуливали въ лучшихъ своихъ нарядахъ. Умирая съ голоду, и желая испросить подаваніе для пици на нѣсколько дней, пѣла я пѣсни, которыми выучили меня въ дѣтствѣ. Какъ ужасно пѣть, когда голодъ перзаесть; смѣяться, когда сердце обливается кровью! Думаете ли вы, что то убійственное припворство, къ которому принужденъ прибѣгать нищій, дѣлаесть его добрѣе? что вмѣстѣ съ пѣснію не проклинаесть онъ своихъ слушателей? Ахъ! я—я хорошо постигаю, какая злоба тогда меня перзала. Когда разряженная толпа проходила мимо меня, когда какая нибудь дама, кто нибудь изъ кавалеровъ, удостоивали меня взгляда, и шупъ же: какъ она гадка! какъ она опшвратительна! Ахъ! я забывала тогда о своемъ голодѣ, забывала обо всемъ. Прелестъ спхъ дамъ, ихъ свѣжестъ, близина, румянецъ, нѣжный голосъ, легкая походка, меня перзали. Зависпливо смопрѣла я на нихъ. И вы, госпожа Маркиза, были столь же хороши въ то упро, въ лѣсу, близъ павильона! Я кляла ихъ, кляла за то, что привлекали любовь мужчинъ! Возвращаясь въ пещеру, служившую мнѣ убѣжищемъ, заснула я опъ усталости; но во снѣ

грязилось мнѣ, что глаза мои стали прелестны, привѣтливы, что свѣжее мое лице омылось легкимъ румянцемъ, что зубы мои бѣлы, что спань мой прямъ и гибокъ; что мужчины усpreмляющъ на меня спрашивные взоры. Тутъ я пробудилась. Наканунъ нашла я кусочекъ зеркала. Я взглянула въ него, разсматривала себя, и увидѣла — что я точно ужасна. Такая черная кожа, такіе длинные зубы, такой уродливый спань! Охъ! они были правы, я была отвратительна. — Такъ прошло много лѣтъ, въ которыя тѣ же обворожительныя сновидѣнія упоили меня и то же отчаянное пробужденіе повергало какъ бы въ безуміе.

»Да, точно отчаянное! Мнѣ нужна была любовь. Никогда не знала я ласкъ отца, матери, сестры! Я жаждала любви мужчины, который былъ бы мнѣ дорогъ; сердце мое билось при мысли о мужчинахъ, которыхъ видѣла на пупи; проходя мимо ихъ, я обомлѣвала; а всѣ меня презирали; и, къ усугубленію моего злополучія, смотря въ зеркало, принуждена была сознаваться: — они правы, я отвратительна!

»Развѣ безобразный осужденъ на одиночество? — Развѣ опята душа у сего уродливаго тѣла, у сего безобразнаго лица?

»Нѣтъ! — Въ семъ тѣлѣ есть душа. Сначала была она крошкою, готовою нѣжно любить, открытою впечатлѣніямъ всего изящнаго; радостно созерцавшею ясное небо, прекрасную страну, прелестную фигуру. Я была тогда по-

чти еще дитя. После́ душа стала пламенною, страшною, изступленною, жадною: я была уже молодою дѣвушкой. Мнѣ дали почувствовать, что я безобразна, что потому не могу быть любима; и съ тѣхъ поръ все изищное стало мнѣ ненавистно; душа моя утратила свою красоту, вспылала месью. Одно обстоятельство, могшее возвратить ее къ добру, погрузило еще въ большую бездну зла.

»Мнѣ минуло только тридцать лѣтъ; но я казалась столь же дряхлою, какъ и теперь. Если бы юность и могла когда либо украшать се лице, то быстро разрушила бы ее пренебреженная страсть, тщетный гнѣвъ, бессильная злоба. Однако мнѣ было только тридцать лѣтъ, когда я однажды, у Беневентскаго орѣховаго дерева, увидѣла идущаго ко мнѣ мужчину нашего племени. Я тотчасъ узнала его по глазамъ, по цвѣту лица, и гошова была удалиться, подспрекаемая ужаснымъ воспоминаніемъ дѣйства. Но вдругъ остановилась. Онъ былъ мой соплеменникъ. Я могла бы рассказать ему, какъ опчуждена всѣми, какъ одинока, какъ лишена всякой привязанности. Можетъ спать, сей соплеменникъ мой сжалится надо мною, полюбитъ меня. И при сей мысли въ безуміи, въ бреду, бросилась я стремительно къ нему на встрѣчу. — »Какъ она гадка!»

»Онъ не допустилъ меня говорить. Онъ сказалъ только сіи слова, повисорилъ ихъ, и прошелъ мимо. Былъ опвергнутой Христіанами, чуж-

дыми... сіе могло сбыться,—я испытала уже сіе; но спать предметомъ презрѣнія соотчича, чело-
вѣка, говорившаго тѣмъ же языкомъ, у ко-
торого, можетъ быть, одни со мною родные;
быть для него отвращительною, казаться ему
гадкою: о! это уже верхъ уничиженія и бѣды.
Съ тѣхъ поръ я мало заботилась знать, куда
иду. Куда бы шаги мои ни приводили меня, оспа-
навливалась, опдыхала немного, и на другой день
уходила, пинаясь рѣдко тѣмъ, что мнѣ давали,
гораздо чаще, что похищала. И какъ опъ та-
кой жизни не спать мнѣ свирѣпою?

»Наконецъ я отыскала пещеру въ дикой ча-
сти Апеннинскихъ горъ, такое мѣсто, возлѣ
котораго въ мѣсяцъ не проходило и двухъ чело-
вѣкъ, да и тѣ убѣгали. Сей гротъ почти за приспа-
лъшь предъ симъ былъ убѣжищемъ Цыганки,
Спреги, той старухи, которая по преданіямъ
явилась въ семь замкѣ... въ сей самой замкѣ...
— Онуфрію набожно перекрестился.

»Старикъ! ты крестишься; но тѣмъ не оп-
разишь смерти. — Продолжаю. Деревенскіе
жители, прежде другихъ приблизившіеся къ сей
спральной пещерѣ, увидѣвшіе, какъ я дряхла и
отвращительна, разгласили, что я та же са-
мая вѣдьма, о которой въ окрестности носил-
ись еще такіе ужасные слухи. Такъ я была
гадка.

»Суевѣрный ужасъ жителей облекъ меня
зловѣщимъ покровомъ; я съ радостію симъ вос-
пользовалась. Я не могла на землѣннику нравиться.

ся, и мнѣ оставалось содѣлаться ужасомъ для всѣхъ. И такъ я спала Спрегою, безвѣстною, оправительницею, ужасною.

»Но еще не рѣшалась я предаться своей участи — вѣтной ненависти. Часто случалось мнѣ вечеромъ, ночью, на разсвѣтѣ, желать, чтобы существо живое, чтобы мужчина приблизился къ моей пещерѣ. Я сама себѣ говорила, что забуду все минувшее свое бѣшенство, дабы стать любимою; что предамся ему; что онъ будетъ мой повелитель; что предъ нимъ спану влачиться на колѣняхъ, спану пресмыкаться. Я была въ бреду, въ сильнѣйшей горячкѣ. Вставая, бродила я вокругъ пещеры; сухіе листья моей постели скручивала невольно въ рукахъ; или же, повергаясь предъ небомъ ночи, съ жаромъ умоляла содѣлать меня на упрое прелестною, восхищительною, предметомъ любви всѣхъ мужчинъ. Послѣ такой мольбы, непоспѣвшая какая-то надежда обольщала меня, что наупро спану прелестна. Успокоенная симъ, засыпала, грезила о своихъ обожателяхъ, швердавшихъ мнѣ: — какъ ты прелестна! — и пробуждаясь, сжимала ихъ еще въ своихъ объятіяхъ; и мои руки опускались пуспы, и если въ то время крестьянинъ проходилъ вдали: — «какъ она гадка!» — восклицалъ онъ, убѣгая.

»Послѣ одного изъ такихъ горькихъ сновидѣній, изъ такихъ прискорбныхъ обольщеній, все было рѣшено. Я не могла любить: я спала проклиная все, несповство гнѣва моего изли-

валось въ ужасныхъ проклятіяхъ при видѣ по-
вобратныхъ. Счастливая взаимною любовью че-
та была мнѣ ненавистна, и единственная забо-
та моя клонилась къ тому, какъ бы навлечь
на нее незагладимое бѣдствіе. Всѣ желанія мои
слились въ одну мечь, мечь особенно ругав-
шимся надо мною своимъ благополучіемъ. Яз-
вительно смѣялась я у алтаря брачнаго. Смѣя-
лась еще, когда супруга преступала вѣрность;
смѣялась, когда супругъ прощалъ.»

Повелительный взоръ ея, одинъ изъ тѣхъ,
которые крѣпче цѣпей, могущественнѣе скипп-
ра, господствовалъ надъ Паулою. Онучію углу-
билъ въ чтеніе своего прѣбѣника, вѣроянно,
чтобы ослабить впечатлѣніе адскихъ рѣчей.

— »За тѣмъ,« продолжала Спрега—»я была
праздна, я нашла занятіе полезное. Я постиг-
ла искусство изготавлять лѣдъ неоцѣненный,
лѣдъ медленный, постепенный, неоспаляющій
признаковъ. Это невидимый кинжалъ, поражаю-
щій сердце, не раздирая груди; но лишь нане-
сенъ имъ ударъ, смерть тамъ уже гнѣздились.
Не подумайте, будто приходъ мой сюда пред-
вѣстникъ смерти. Я была опкровенна съ вами.
Я такая же женщина, какъ и вы, Маркиза
Нѣтъ!... Вы были прелестны, а теперь ваши
глаза впали; блѣдность замѣнила свѣжесть лица
вашего; ваша шея исхудала, ваши бѣлыя руки
иссохли до кости. Вы совсѣмъ не таковы были
тамъ, въ павильонѣ... Это я вамъ пособила,
когда вы тамъ упали въ обморокъ.»

Паула не въ силахъ была выноситьъ болѣе сие ужасное явленіе.—»Отецъ Онуфрію!« — произнесла она слабымъ голосомъ: — »здѣсь мрачно, какъ ночью.«

Люстры и оба камна издавали все томъ же яркій свѣтъ.

Онуфрію, болѣе успрашенный сими словами дорогой своей Паулы, чѣмъ рѣчьми спарухи, сложилъ руки, какъ бы умоляя. Онъ почто умолялъ Спрегу.

— »О жена! ты очень жестока! очень свирѣпа; но ты только что сказала, что иногда мольба доставляла тебѣ покой. Отверженная душа къ сему неспособна. Пади со мною на колѣни; покайся! Покаяніе твое будетъ величайшею моею славою, а ты почувствуешь состраданіе къ несчастному сему дитяти.«

— »Состраданіе! состраданіе! Да, я бы жалась, когда была бы любима; — но оно мнѣ чуждо. Я не постигаю, что такое состраданіе.«

— »Состраданіе? О это совершеннѣйшее ощущеніе души! Спрадать за спраданія ближняго, быть несчастну въ его бѣдѣ, проливать его слезы. Состраданіе—это сердце, разверзтое сердцу, пораженному скорбью, какъ раскрытыя объятія возвращающемуся другу.«

— »Я не вѣдала ближнихъ; слезы мои изсякли, сердце мое жалось, друзей не знала. — Состраданіе мнѣ чуждо!«

И она съ злобною усмѣшкою смотрѣла на

безчувственную почти Паулу. Наступило долгое, ужасное безмолвіе. Разсвѣтъ начинался, и сѣрые опшѣнки упренней зарп, проникая въ огромную залу сквозь круглыя опверзпія, прорѣзанныя въ верху спавней, и сливаясь съ блескомъ опъ люспртъ, производили свѣтъ странный, необыкновенный. Опъ соопшѣтствовалъ происшествію.

— »Ободригесь,« продолжала опять Спрега: »мое присутствіе не естъ предвѣстникъ смерти. — Пропяните мнѣ вашу ручку; я разгадаю, что предопредѣлено вамъ въ семь міртъ.«

Онуфрію, видя старуху гошовой чародѣйствовать, вскричала: — »Сгшнъ! vade retro!«

Она не удалялась; но Паула не пропягивала руки. Спрега повторила свое предложеніе; монахъ повторилъ свое заклинаніе.

Паула, несмѣвшая до того промолвить ни одного слова Спрегѣ, едва опваживавшаяся бросить на нее украдкою взглядъ, вдругъ пропянула къ ней руку. Цыганка взяла ее.

Свѣтъ дневный возраспалъ, а освѣщеніе залы спановилось тусклѣе.

— »Какъ шоща и дрожаща ручка ваша, господа Маркиза.«

— »Я знаю эшо.... но.... скажи мнѣ.... Жюстинъ умеръ ли? Проживу ли хопя столько, чтобы взглянуть на мое дшпя!«

— »Ваши пальчики пакъ же почти пзсохли, какъ и мои; а ваши ручки, какъ онѣ были нѣжны и полны! Сколько спраспныхъ поцѣлуевъ

напечатлѣлось на нихъ! а теперь кости просвѣчиваютъ сквозь сію прозрачную кожу...»

— »Опѣвай мнѣ... опѣвай мнѣ!«

— »А сія прелестная грудь, украшенная брилліантовымъ ожерельемъ...«

Въ сіе мгновеніе сильный крикъ раздался въ коридорѣ... — »Спrega!« — То былъ голосъ горничной, которая опять вздумала полюбопытствовать.

Спrega подала знакъ и удалилась въ ту же дверь, въ которую вошла.

II.

ГЕОГРАФІЯ.

КАРТИНА БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

Часть первая.

О положеніи, протяженіи и очертаніи Балтійскаго моря; объ его берегахъ, портахъ, историческій взглядъ на страны, прикосновенныя ему.

Морскія воды, разлитыя по стеронду земному, составляютъ одно цѣлое, безпрерывное. Различныя части сей превеликой массы, хотя и зовомыя различно, но взаимно сочешаваются, свлзуются и соприкасаются. За исключеніемъ Каспійскаго моря, уединеннаго переворотами Природы древней, всѣ морскія водохранилища сообщаются взаимно, посредствомъ проливовъ и

заливовъ. Такъ проливъ Кале ведетъ изъ Океана Атлантическаго въ море Сѣверное, называемое также Океаномъ Германскимъ и моремъ Нѣмецкимъ. Заливъ сего моря, извѣстный подъ именемъ *Каттегата*, протѣсаясь между Данією, Норвегією и Швецією, сообщается съ Балтійскимъ моремъ проливами Бельтами и Зундомъ; такимъ образомъ, прежде нежели займемся собственно Балтикою, бросимъ взоръ на воды, служащія преддверіемъ морю сему.

КАТТЕГАТЪ.

Входъ въ Каттегатъ заключается между мысомъ Линдеснесъ (1), находящимся на южной части Норвегіи, и мысомъ Скагеномъ на сѣверной конечности Юпландіи. Воды, сошедшія мысу Скагену, носятъ особенное названіе *Скагеррака*. Большой заливъ продолжается потомъ къ югу, имѣя съ одной стороны Юпландію, съ другой часть Норвегіи и многія провинціи Швеціи. Каттегатъ знаменитъ въ лѣтописяхъ мореплаванія кораблекрушеніями, кои почти ежегодно покрываютъ его воды великимъ множествомъ обломковъ судовъ. Глубины въ немъ весьма неровны; теченія быстры и часто взаимно противоположны; бури продолжительныя и жестокия свирѣпствуютъ здѣсь въ особенности въ позднее

(1) Nes или Naes значитъ мысъ, на многихъ языкахъ Сѣвера.

время года. По необходимость сего внутренняго бассейна для мореплаванія и торговли заставляе презирать опасности: онъ связуеиъ Океанъ и Балтику, онъ огибаеиъ спраны, снабжающія продуктами самонужнѣйшими, и его порты, какъ на воспокъ, такъ и на западѣ, имѣютъ выгоду пользоваться торговою дѣятельностію въ печеніе большей части года.

Прибрежье Юпландіи, омываемое Каттегатомъ, постепенно сужается къ нему во всемъ своемъ протяженіи, начиная отъ сѣвера, отъ мыса Скагена, гдѣ лежишь городъ сего же имени; окрестъ мыса, на пространствѣ нѣсколькихъ миль, распадается песчаная банка, близъ коей стоишь маякъ. Городъ Скаге окружень безплодною почвою, и населень только рыбаками и лоцманами (2): Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мыса находится городъ Фладспрандъ съ портомъ, защищаемый тремя бастионами; южнѣе же лежишь Себи (Sæby). Далѣе встрѣчаются многочисленные и довольно значительные заливы, столь ощутительно вдающіеся во внутренность Юпландіи, что лишь узкій перешеекъ раздѣляетъ ихъ съ водами Сѣвернаго моря. Заливъ, называемый *Лиллсфіордъ* (3), углубляется таковымъ образомъ на про-

(2) Широта его 57°, 44' 35"; долготы 8°, 12', 42" отъ Парижскаго меридіана къ Востоку.

(3) Слово fiord значить по-Дашски, заливъ, углубленіе моря. Шведы говорятъ fjaerd.

спранснѣ шесинадцати или семнадцати миль; и дѣлился на два рукава. Онѣ имѣютъ много острововъ, изъ коихъ нѣкоторые, обитаемые, выказываютъ берега плодоносные и веселые. При входѣ глубина не болѣе 11-ти или 12-ти футовъ, но далѣе во внутренность залива она увеличивается значительно. Суда, идущія съ моря, облегчась грузомъ при городѣ Гальсѣ (Hals), защищаемомъ крѣпостію, достигаютъ Лёгстёра (Loegstoer), Нибе, Выборга и *Аальборга*. Сей послѣдній есть первенствующій городъ въ Юпландіи, какъ относительно народонаселенія, такъ и торговли. Другіе заливы имѣютъ порты: Мариагеръ (Mariager). Рандерсъ, Эбельморфъ, Ааргусъ и Вейле (Weile), который уже близко отстоитъ отъ Малаго Бельта и очень недалекъ отъ города Фридеричи, повелѣвающаго входомъ въ заливъ сей. Со стороны же Норвегіи и Швеціи берегъ имѣетъ возвышеніе значительное: онъ собственно есть рядъ скалъ, мысовъ, полуострововъ и острововъ, изъ коихъ нѣкоторые одѣяны лѣсомъ и воздѣланы, другіе же совершенно голы и бесплодны. Великое множество заливовъ, бухтъ и губъ, представляетъ обиліе мѣстъ, удобныхъ для якорной стоянки, а посему здѣсь многіе порты имѣютъ превосходные рейды, но достиженіе оныхъ большею частію весьма затруднительно. Разсмотримъ первоначально мысъ Линдеснесъ (4). Это есть полу-островъ,

(4) Шир. 57°, 58', 48". Долг. 4°, 45', 00".

примыкающій къ твердой землѣ посредствомъ неширокаго перешейка, и весьма вдающійся въ море, такъ, что онъ безпрестанно обуреваемъ волненіемъ и оплягоченъ шуманамъ моря. Нѣкопорыя пресмыкающіяся растенія выказываются шамъ и сямъ межъ скаль и утесовъ, но ни какое дерево не можеть приняться на немъ; однако жъ лосмана и рыболовы живутъ на сей благодарной почвѣ, и живутъ въ довольствѣ, добывая оное изъ нѣдръ родной спихи своей; эти неустрашимые моряки наслаждаются здоровьемъ самымъ цвѣтущимъ, и по большой части достигаютъ глубокой старости. Мысъ Линдеснесъ имѣетъ маякъ, который весьма полезенъ для мореходцевъ, въ особенности въ позднее время года.

Мандаль (Mandal) и Христіанзандъ суть порты наиболѣе сосѣдніе сему мысу. Потомъ далѣе встрѣчаются Флеккере (Flekeroe) (5), съ крѣпостію Фредериксгольмъ. — Арендаль, Ризоеръ (Risoer), Крагере, Окенъ, Фредериксборнъ или Спаваэрнъ (6). Сей послѣдній состоитъ изъ мѣстечка, при коемъ находится лингъ для строенія канонерскихъ лодокъ; изъ крѣпости, расположенной на островѣ, и изъ

(5) Ое по-Датски и по-Шведски значитъ островъ; *holm* же означаетъ маленькій островъ, а иногда и полуостровъ.

(6) *Foern*, на Датскомъ и Шведскомъ языкахъ значитъ защита, ограда, оплотъ.

гавани, могущей принимать военный флотъ. Съ сосѣднихъ высотъ открывается Лаурвигъ (Laugwig) (7), при бухтѣ сего же имени. Городъ сей, производящій дѣятельную торговлю, чему наиболее причиною его желѣзоплавильни. Онъ отличается красотою предмѣстій.

Но приморскіе города, наиболее замѣчательные, окружаютъ заливъ Христіаніи. Заливъ сей вѣтвится въ материкъ болѣе нежели на 20 миль, раздѣляясь на многіе рукава; обводы его весьма измѣнчивы: то представляется онъ въ видѣ излучистой рѣки, то въ видѣ овальнаго озера или какъ бы въ видѣ канала, изрытаго рукою человѣческою. Берега его составляютъ живописная цѣпь долинъ и горъ. Наипрекраснѣйшая же точка зрѣнія естъ темя горы, именуемой Райскою. Рощи, луга, поля и хижинны земледѣльцевъ, раскиданныя тамъ и сямъ, широкій рукавъ залива, многочисленныя суда подъ всѣми парусами, несущія богатства изъ-за моря; все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ въ отдаленности картину истинно восхитительную!

Около залива Христіаніи началось первое зарождеііе гражданственности и промысловъ Норвегіи. Здѣсь-то существовалъ нѣкогда городъ *Опсло* (Opslo), первая резиденція Королей, первый центръ политическихъ и религіозныхъ

(7) *Wig* или *vik* по-Датски, по-Шведски и по-Нѣмецки значить губа, бухта и заливъ.

отношеній націи. Здѣсь-то во времена позднѣйшія основались города, замѣчательные по ихъ населенію, по ихъ удобствамъ, какъ то: Тонсбергъ, Гольмспрандъ, Драмменъ, Фредериксхадтъ, Моссъ (Moss) и Христіанія, столица Норвегіи со времени упадка города *Осло*. Христіанія (8), получившая сіе имя отъ имени основателя своего, Христіана VI, Короля Датскаго и Норвежскаго, производить обширную торговлю, и имѣетъ жителей до 10.000 чел. Городъ сей лежитъ при вершинѣ залива въ весьма пріятномъ мѣстѣ, изрѣзанномъ холмами и рѣчками, и воздѣланномъ съ большимъ тщаніемъ. Портъ имѣетъ удобные *фарватеры*, совершенно свободные отъ подводныхъ камней; кораблямъ представляется здѣсь пристанище вѣрное, а якорь бросають подлѣ самыхъ магазиновъ и *киленбалокъ*. На одной изъ высотъ, окружающихъ городъ, расположена крѣпость Агерсгусъ, которая выдержала многія осады въ теченіе войнъ между Шведами и Датчанами. Съ высоты верховъ, глазъ обнимаетъ пространный горизонтъ, кончающійся на сѣверъ синеватыми верхами Альповъ Скандинавіи, и на Югъ водами залива, исчезающими межъ мысовъ и острововъ.

На границѣ съ Швеціею пролегаетъ другой большой заливъ, начинающійся губою, и продолжающійся въ видѣ пролива, увѣчаннаго

(8) Шир. 59°, 53', 20", долг. 8°, 52', 00".

другую губою. Пролитъ, именующійся Свинезундъ, есть, такъ сказать, морская дефилея, окрашенная высокими утесами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ суженная, что суда во время качки могутъ задѣвать ноками реевъ за оба противоположные берега.

Внутренняя губа составляетъ рейдъ города Фредериксгамля, ниже коего, среди громады горъ, лежишь та именитая крѣпость, которую осаждалъ Карлъ XII, и коею онъ готовился овладѣть, какъ роковая пуля положила конецъ его подвигамъ вмѣстѣ съ жизнью. Мѣсто, на коемъ онъ испустилъ духъ, ознаменовано деревяннымъ крестомъ, съ надписью имени Монарха и дня его смерти. — Въ размышленіяхъ о судьбѣ Карла, пушникъ, пришедшій поклониться мѣсту сему и углубленный въ созерцаніе той неисповѣдимой силы, которая увлекаетъ замыслы, надежды и жизнь челоѣковъ, слышишь въ нѣкоторомъ удаленіи шумъ водопада, стремящагося съ сосѣднихъ горъ, бороздящаго ребра оныхъ, исторгающаго дерева и грозящаго поглотить самыя жилища. Шведскій портъ, ближайшій къ Норвегін, есть Спрѣмспадъ; онъ не великъ, и хотя нѣсколько важенъ въ отношеніи коммерческомъ, но Уддевалла гораздо болѣе замѣчательна по своей дѣятельности, въ особенности увеличившейся въ послѣднія времена. До сего города, мѣстность вообще представляется въ довольно пріятномъ видѣ; но потомъ она принимаетъ характеръ мрачный и дикій, коего особенно

рѣзкія черпы встрѣчаются близъ Марспранда. Вездѣ утесы неприступные и пустынные, оспроконечныя скалы и волны, съ яростію біущія о нихъ, кажутся, должны бы были возвращать всякое сообщеніе съ сими мѣстами. Однако жъ отважный мореплавецъ находитъ дорогу и среди камней, и среди непривѣпливыхъ спихій; два фарватера выводятъ его на рейдъ пространный и приглубый, и городъ, вѣнчающій темя каменной громады, является его взору. Городъ сей, называющійся *Марспрандъ*, что значить *берегъ моря*, не великъ, и дома, большею частію деревянные, выстроены неправильно. Не далеко отъ города, на другомъ утесѣ, тяготеетъ грозная крѣпость Карлсень. Башня, составляющая часть укрѣпленій, въ то же время служитъ преполезнымъ маякомъ для плавающихъ въ сей часпи Кампегата.

Мѣста, теперь указанные нами, всѣ находятся въ Шведской провинціи Багусъ.

Южнѣе, въ провинціи Вестрогогской и при устьѣ рѣки Готы, лежитъ *Готенбургъ*, по-Шведски Гётеборгъ (Goetheborg) (9). Рейдъ окруженъ скалами и множествомъ островковъ; цитадель Эльфсборгъ защищаетъ входъ на оный, а нѣсколько мористѣе на маленькомъ островѣ Винга, усроенъ весьма высокій маякъ. Готен-

(9) Т. е. портъ Готы; *borg* — значитъ по-Дански и по-Шведски, крѣпость, цитадель. Шир. Готенбурга 57°, 42'. Долгота 9°, 57', 30".

бургскій рейдъ достаточно обширенъ и глубоко для помѣщенія военнаго флота. Здѣсь обыкновенно находились нѣкоторое число фрегатъ, канонерскихъ лодокъ и транспортовъ. Городъ сей, прежде обнесенный укрѣпленіями, нынѣ совершенно открытъ, но содержитъ значительный гарнизонъ. Выстроены правильно и прорѣзаны каналами; жителей отъ 18 до 20.000. Его разнообразная торговля распространяется во все части Сѣвера. Довольство и дѣятельность, царствующія въ Готенбургѣ, тѣмъ кажущаяся поразительнѣе, что окрестности состоятъ лишь изъ голыхъ скалъ и пустырей, такъ, что на пространствѣ нѣсколькихъ миль не примѣчается ни малѣйшаго слѣда обработанности; одно только мореплаваніе могло возбудить въ сей пустынѣ жизнь и движеніе: съ одной стороны рѣка Гота, съ другой море, суть проводники къ благоденствію Готенбургцевъ; ихъ городъ содѣлался однимъ изъ значительнѣйшихъ на Сѣверѣ, и отправляетъ почти половину всей Шведской торговли.

Между Марспрандомъ и Готенбургомъ въ провинціи Бансъ (Bahns), находится болѣе другихъ извѣстный городъ Конггелъ; въ пров. Галландъ, — Конгсбакка, Варбергъ, Фалькенбергъ, Гальмспадъ, Лагольмъ; въ Сканиі—Энгельмъ. Варбергъ замѣчателенъ по своей цитадели, коронующей утесъ, висящій надъ водою, Гальмспадъ значительно промышляетъ торгов-

лєю лососины, добываемой въ одной изъ соседнихъ рѣкъ. — Прочія же мѣста маловажны.

Кромѣ маленькихъ острововъ, простирающихся вдоль береговъ и двухъ большихъ Зеландій и Фіоніи, концы сѣверные берега омываются Каппегатомъ, заливъ сей еще имѣетъ многіе на самой срединѣ своего бассейна. Мы замѣтимъ Лессое, Ангольшъ и Самсое. Одна часть острова Лессое покрыта пескомъ, намытымъ волнами, другая же воздѣлана. Ангольшъ занимаетъ мало пространства, но окруженный опаснымъ рифомъ, обозначенъ маякомъ. Самсое обширнѣе обоихъ, имѣетъ въ окружности отъ 3-хъ до 4-хъ миль, и приближается однимъ краемъ къ Ютландіи, а другимъ къ ос. Фіоніи. Почва ос. Самсое очень плодородна, такъ, что съ избыткомъ прокармливаетъ жителей своихъ, простирающихся до 6 тысячъ, и раздѣленныхъ по многимъ деревнямъ.

Теперь остается намъ разсмотрѣть тѣ важные проливы, которые соединяютъ Балтику съ Каппегатомъ; первоначально мы будемъ говорить о Маломъ Бельтѣ, потомъ о Большомъ Бельтѣ, и наконецъ сдѣлаемъ очеркъ Зунда, примѣчательнѣйшаго изъ сихъ прѣхъ проливовъ.

Проливы Бельты и Зундъ.

На южныхъ границахъ Ютландіи, не въ далекомъ отъ порта Вейле (Weile), есть широкій мысъ, гдѣ Фридрихъ III, Король Датскій, основалъ укрѣпленный городъ Фридрицію. Городъ

сей командуешь устьемъ Малаго Бельша. Гавань города сего, не будучи ни приглуба, ни хорошо защищена, не можетъ производить большой коммерціи, чего ради значительнѣйшая часть обитателей его, простирающихся до 4-хъ тысячъ, занимается мануфактурами. Подъ стѣнами Фридрициѣ обыкновенно останавливается каждое судно, проходящее проливъ, дабы расплатиться пошлиной. Проливъ сей съ одной стороны имѣетъ Юпландію и Шлезвигъ, съ другой островъ Фіонію; сначала онъ походитъ на большую рѣку и именно близъ Фридрициѣ; между селеніемъ Сногѳ (Snoghoë) въ Юпландіи и городомъ Миддельфартъ — въ Фіоніи, едва имѣетъ четверть мили ширины, такъ, что въ ясную погоду очень хорошо видны оба берега и отраженія ихъ въ незыблемой поверхностной водѣ; но далѣе, ширина сія увеличивается, и уже отъ Арроэ Зунда — въ Шлезвигѣ, до Ассенса — въ Фіоніи, считается три мили. Между сими двумя мѣстами, изъ коихъ одно есть деревня, а другое городъ, въ прежнее время обыкновенно переправлялись почты и путешественники; но нынѣ предпочтительнѣе переѣзжаютъ проливъ между Сногѳ и Миддельфартомъ, хотя отъ сего и происходитъ кругъ въ пять или шесть миль; за то переправа сія гораздо удобнѣе, вѣрнѣе, и объѣздъ, который надобно сдѣлать, даетъ случай ознакомиться со многими примѣчательностями.

Будучи изъ Германіи, прежде всего встрѣ-

чаешь городъ Христіансфельдъ, который можно назвать одною обширною мастерскою, лишь за сорокъ тому назадъ основанною колоніею *Гернгутовъ*, или *Моравскихъ братьевъ*. Мѣсто сіе, какъ и все поселеніе Гернгутовъ, есть обиталище дѣятельности и въ то же время мира и спокойствія. Улицы прямы, обсажены деревьями, и большая часть домовъ имѣетъ прекрасные сады.

Оставивъ Христіансфельдъ, направляются въ Кольдингъ, торговый городъ, лежащій на берегу рѣчки, и защищаемый древнимъ замкомъ, который служилъ резиденціею для многихъ Королей Даніи; въ незначительномъ разстояніи отъ города, рѣка впадаетъ въ губу Малаго Бельша, изукрашивъ и оплодотворивъ поля и пастбища. Изъ Кольдинга дорога ведетъ въ Сногое по ряду высотъ, пещеренныхъ селеніями, рощами, и къ подножію конхъ волны несутъ свои опѣенныя вершины. Сногое составляютъ два или три селенія, расположенныя по песчанымъ возвышенностямъ при берегѣ пролива. Легкіе ботики употребляются для переправы, такъ, что чрезъ полчаса достигаютъ они Миддельфарша, именующагося городомъ, но который собственно есть мѣстечко, коего жители преимущественно прокармливаются рыбною ловлею и выгодами отъ постоевъ проезжающихъ.

Малый Бельшъ имѣетъ берега не возвышенные. За исключеніемъ нѣкоторыхъ высотъ, находящихся на границахъ Юпландіи, лице земли

тихо склоняется къ водамъ пролива сего, и хотя якорныя стоянки въ немъ удобны, но въ самыхъ водахъ его находящіяся небезопасныя мели, а теченіе изъ Балтики въ Кампегатъ весьма сильно. Глубины измѣняются отъ 4-хъ и 6-ти сажень (6-футовой мѣры) до 20-ти и 25-ти; нѣкоторые заливы отсюда идутъ, какъ бы на встрѣчу тѣмъ, коими испещренъ западный берегъ Ютландіи, отъ чего полуостровъ суживается, и весьма не трудно бы было учредить искусственное сообщеніе между Малымъ Бельпомъ и Севернымъ моремъ.

Большой Бельтъ протѣсняется межъ острововъ Фіоніи и Зеландіи. Онъ начинается близъ городовъ Кіерсменна и Каллунборга, а кончипся при островахъ Лангеландъ и Лаландъ: наибольшая ширина его есть отъ 7 до 8 миль; берега вообще мало возвышенны, и изрѣзаны губами и бухтами, образующими рейды и гаванцы. Глубины не ровны; то въ пять и шесть сажень, то въ двадцать. Онъ имѣетъ также много островковъ и значительное количество опасныхъ банокъ. Однако же, при попутномъ вѣтрѣ, и линейные корабли могутъ проходить проливъ сей. Путешественники перѣзжаютъ чрезъ Большой Бельтъ между городами Ниборгомъ—въ Фіоніи и Корсэромъ (Cörsör) — въ Зеландіи, отстоящими другъ отъ друга почти на шесть миль. Первый изъ сихъ городовъ довольно укрѣпленъ, и здѣсь-то купеческія суда платятъ пошлину Датскому Правительству. Портъ этого города считается

однимъ изъ лучшихъ въ Сѣверныхъ моряхъ; онъ просторенъ, глубокъ и хорошо прикрытъ. Корсэръ же имѣетъ лишь рейдъ для большихъ кораблей. Въ обоихъ городахъ содержатъ много одномачтовыхъ судовъ, называемыхъ смаксъ (Smaks), которые и употребляются для переправъ. Въ хорошее время года переправа продолжается не болѣе 3-хъ или 4-хъ часовъ, и не сопровождается ни малѣйшимъ затрудненіемъ; но зимою и осенью бури и льды часто содѣлываютъ ее продолжительною и опасною; въ такихъ случаяхъ оспровокъ Спрёгое, лежащій на срединѣ пущи, нерѣдко содѣлывается убѣжищемъ для пассажировъ, кои иногда бываютъ принуждены проживать здѣсь по нѣскольку недѣль.

Островъ Зеландія на сѣверо-востокъ оканчивается пріятнымъ холмогорьемъ, изукрашеннымъ селеніями, фермами и садами; на супротивъ же холмовъ сихъ, на сѣверной границѣ Шведской провинціи Сканіи, громада утесовъ, называемыхъ *Кулленъ* (10), грозно воздымается надъ водами. — Главнѣйшій утесъ имѣетъ высоты 200 футовъ; съ вершины его, маячные огни, содержимые съ большимъ тщаніемъ, напускаютъ плавателей къ проливу Зунду (11), на-

(10) *Kullen* по-Шведски значить высотность; гора, имѣющая возвышенности весьма значительной.

(11) *Sund* или *Oeresund* по-Датски и по-Шведски значить проливъ, слово же *Oere* означаетъ мелководіе при песчаныхъ берегахъ.

чинающемуся между сими двумя землями, и кончающемуся при Балпикъ близъ городовъ Кёге—въ Даніи, и Фалстербо—въ Швеціи. При самомъ началѣ имѣетъ ширины оны 2-хъ до 3-хъ миль, но вскорѣ суживается такъ, что между Эльсенёромъ или Гельсингеромъ въ Зеландіи, и Гельсингборгомъ въ Сканіи ширина его только 1331 сажень (12).

Между Копенгагеномъ и Шведскими городами: Ландскроною и Мальмё, воды пролива снова расширяются оны шести до семи миль. Небольшіе острова Гвенъ (Hwén), Амакъ и Сальпгольмъ съ отмелями, ихъ окружающими, занимаютъ часть сего бассейна. Около острововъ сихъ и вдоль сосѣдняго имъ берега глубина простирается только до пяти футовъ, въ другихъ же мѣстахъ оны десяти до осьмнадцати.

Между островами Зеландіею и Амакомъ, или Амажеромъ, находится портъ г. Копенгагена (13) — одинъ изъ прекраснѣйшихъ и безопаснѣйшихъ,

(12) Измѣряно по льду. Число сіе показано во 2-мъ томѣ *Lettres sur le Danemarch* Г-на Ревердайля, который долго жилъ въ Копенгагенѣ и заслуживаетъ въроашіе.

Г. Шульценъ (Schulten) въ меморіи своей, поданной Стокгольмской Академіи Наукъ, приближенно означаетъ сіе разстояніе въ 1400 сажень.

(13) Шир. 55°, 41', дол. 10° 4' 14"; Копенгагенъ по-Дански называется *Киобенгагенъ* (Kioebenhavn), т. е. торговый портъ.

какіе только есть въ Сѣверныхъ моряхъ. Природа дала ему очеркъ, а искусство чловѣка оградило оплотами неодолимыми, если употребить на защиту достаточное количество силъ и дѣйствовать по плану, хорошо обдуманному. Внутри порта расположена военная гавань, не въ далекомъ отъ коей, на островахъ и полуостровахъ, вообще называемыхъ голмъ (Holm), находятся верфи, доки и арсеналы. Со стороны твердой земли Копенгагенъ защищенъ линією укрѣпленій, соединяющихся съ укрѣпленіями порта. Столица сія имѣетъ до 90.000 жителей, и отличается правильностію постройки; она выдержала много осадъ, изъ коихъ ни одна не была для нея столь губительна, какъ произведенная Англичанами въ 1807 году. Атакующій въ распахъ среди мира и бомбардируемый съ суши и съ моря — Копенгагенъ лишился тогда большей части прекрасныхъ зданій своихъ, памятниковъ и цѣла населенія, а флотъ, коимъ Данія гордилась, въ полномъ вооруженіи отведенъ былъ военнопленнымъ въ порты Англійскіе.

Лансдекрона — въ Швеціи, имѣетъ портъ не большой, но хорошо прикрытый мѣстностію, и нѣкоторыя фортификаціонныя работы защищаютъ входъ, сообщающійся съ обширнымъ рейдомъ посредствомъ искусственнаго канала. Портъ Мальмё часто заносится песками, и потому для пристанища большихъ судовъ есть только рейдъ, достиженіе коего, по причинѣ

пространнаго бара, весьма затруднительно; суда же мелко сидящія становящся и во внутреннемъ бассейнѣ. Впрочемъ городъ сей важенъ по своему населенію, мануфактурамъ, и по укрѣпленіямъ со стороны материка. Города же Эльсенеръ и Гельсингборгъ до сихъ поръ имѣють только рейды, гдѣ однако съ нѣкоторымъ усиленіемъ можно было бы устроить порты, что, конечно, было бы весьма полезно. При первомъ изъ сихъ двухъ городовъ приморье гораздо глубже, почему и служилъ онъ для проходящихъ судовъ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ. Еще съ давнихъ временъ Датчане устроили здѣсь малки, и устроили содержаніе лоцмановъ, что и было поводомъ учредить сборъ пошлины, копорая долго была источникомъ значительныхъ доходовъ. Также между Эльсенеромъ и Гельсингборгомъ переправляются почты и путешественники. Обыкновенно переправа продолжается полтора часа; зимою, когда проливъ покрытъ льдинами — гораздо долѣе. Множество занимательныхъ и замѣчательныхъ предметовъ сосредоточивается въ мѣстахъ сихъ, дабы плѣнить, поразить взоръ и воображеніе путешественника. Подѣзжая къ Эльсенеру, видишь проливъ и берегъ Швеціи. Берегъ сей, частію покрытый рощами и прорѣзанный утесами, озаряется отблескомъ равнины водъ, составляетъ съ нею живописную противоположность. Эльсенеръ заключаетъ въ себѣ нѣсколько зданій — прекрасныхъ, и имѣетъ до 7.000 жителей. Безпрестанно

ные переѣзды съ одного берега на другой поддерживаютъ въ немъ жизнь и дѣятельность, разливая довольство въ народъ. Подлѣ города на низменномъ мысѣ возвышается замокъ Кронборгъ (14) въ видѣ правильного четвероугольника, увѣнчаннаго четырьмя башнями голландской архитектуры; онъ защищенъ башипареями, рвами и бастіонами, на одномъ изъ коихъ развѣвается Датскій флагъ; ему-то и салютуютъ проходящіе здѣсь военныя суда, и здѣсь собирается пошлина. Внутренность замка сего украшена весьма богато, и въ особенностяхъ домовая церковь оплчается убранствомъ, прекрасными мраморными колоннами и скульптурой.

На высокости, мало удаленной отъ Кронборга, расположенъ загородный дворецъ Короля, называемый *Маріенлейстъ* (Marienlyst); господствуя надъ окрестностями, онъ даетъ видъ на входъ Зунда, на скалы Кулленскія, на Шведскій берегъ и на суда, идущія изъ Кампегата.

Изъ Эльсенера въ Гельсингборгъ переправляются въ открытыхъ ботикахъ, кои могутъ ходить и подъ парусами, и на грѣблѣ. Это множество судовъ всякихъ поспроектъ и величинъ, межъ коими должна направляться переправа, это множество флаговъ шолкихъ народовъ,

(14) *Cronborg*, ш. е. *цитадель* или *Коронная крѣпость*, отъ словъ *Crone* или *Crona* — корона, и *borg* — крѣпость.

развѣвающихся въ воздухѣ, напоминаетъ чудныя дѣйствія промышленности торговой, и воображеніе невольно переносится въ отдаленнѣйшіе предѣлы міра, а видъ земель Зеландіи и Скандіи, теперь раздѣленныхъ, но по формациямъ и слоямъ своимъ показывающихъ, что нѣкогда онѣ были соприкосновенны—ведетъ къ воспоминанію о тѣхъ великихъ работахъ спихій и тѣхъ великихъ революціяхъ въ Природѣ, кои за сколько вѣковъ предшествовали усиліямъ человѣческимъ и переворошамъ обществъ!... Разсмапривая же островъ *Гвель*, который находится ближе къ Шведскому берегу, въ окрестностяхъ Ландскроны, невольно воспоминаешь о знаменитомъ созерцателѣ неба Тихо-Браге, долго жившемъ здѣсь, и объ его обсерваторіи, которую онъ называлъ Ураніенбургъ; но тщетно взоръ ищетъ Ураніенбурга и его возвышенныхъ башенъ!... Съ прискорбіемъ узнаетъ путникъ, что едва ли оспались и нѣкоторые опломки того зданія, гдѣ Тихо исчислялъ законы Природы, наблюдалъ печеніе звѣздъ, и казался какъ бы геніемъ хранителемъ плавателей, проходившихъ у его подножія!... Ничтожныя динприги лишили его любимого убѣжища, и принудили покинуть опчизну. — Онъ покинулъ ее, и памятники — свидѣтели его трудовъ и его славы, были отданы во власть всеразрушающему времени, которое слишкомъ хорошо пособило намѣреніямъ зависти и клеветы!... Гельсингборгъ въ Швеціи, малозначащій городъ, но замѣчательный по своей

мѣстности: онъ, такъ сказать, прилѣпленъ къ горѣ, на коей нѣкогда находился укрѣпленный замокъ; но нынѣ осталась отъ него только одна башня, имѣющая видъ маяка; при подошвѣ горы спруился весьма обильный источникъ, коего воды имѣютъ большое сходство съ водами Бристольскими. Взрывая землю, здѣсь находили раковины и многія другія произведенія моря, совершенно подобныя заключающимся въ холмахъ острова Зеландіи. Гора Гельсингборгская сіюю постоянныхъ трудовъ обращена въ одинъ огромный садъ, набросанный террасами; и по мѣрѣ, какъ поднимаешься на оныя, виды смѣняются быстро; первоначально представляется часть пролива, городъ Эльсенеръ и замокъ Кронборгъ; мало по малу земля и воды расширяются, а наконецъ съ тѣмени горы и съ верха башни открывается зрѣлище, коего огромность и величественность обворожаютъ взоръ. Пролитъ рисуется во всемъ своемъ простѣженіи, а на обѣихъ конечностяхъ его развертываются обширныя бассейны Кампнегага и Балпики, сливающие лазурныя воды свои съ лазурью безпредѣльнаго горизонта. Островъ Зеландія песпрѣшетъ наподобіе богатаго, узорчатаго ковра; видны его плодоносныя равнины, изрѣзанныя ручьями и рощами; его прелестныя мызы и многіе города, межъ коими оплчается Копенгагенъ своими многочисленными колокольнями; а вдоль Шведскаго берега съ одной стороны выказываются нѣсколько башенъ Ландскроны, съ другой мрач-

ныя скалы мыса Кулмень. Въ то же время представляется живая картина мореплаванія; изрѣдка раздается громъ салюпующихъ орудій съ военныхъ судовъ или съ крѣпости, имъ оп-
вѣчающей, и спогласное эхо разноситъ грозный гулъ сей вдоль всего побережья. Когда коммер-
ція во всей дѣятельности, иногда опъ двухъ до трехъ сотъ судовъ задерживаются въ про-
ливѣ проливными вѣтрами; коль скоро же на-
стаетъ благопріятная погода, мгновенно все при-
ходитъ въ движеніе, и быстро цѣлые флоты ис-
чезаютъ и смѣняются другими.

Б а л т и к а.
Общій взглядъ.

Мы сдѣлали обозрѣніе устьямъ Балтики; оно способствовало намъ къ познанію отноше-
ній сего моря къ Океану и къ землямъ полу-
ночнымъ; теперъ скажемъ, что море сіе не
есть, какъ говорилъ Бюффонъ, большое озеро, об-
разованное въ обширномъ логовищѣ рѣками Сѣве-
ра; напрошивъ того, оно есть море средизем-
ное, составляющее часть сборища водъ Океана,
получившее самобытность, равно какъ и дру-
гіе внутренніе бассейны, въ слѣдствіе великихъ
перевороговъ, преобразовавшихъ Земной Шаръ.
Предѣлы и очерпанія береговъ могли измѣниться
въ годы начала бытія, и даже, кажется, су-
ществовали почки сближенія или сообщенія
Сѣвернаго моря чрезъ Херсонесъ Кимврійскій
съ моремъ Чернымъ, посредствомъ низменныхъ
домосклоновъ областей Польскихъ, равно какъ

и съ Бѣлымъ моремъ чрезъ нѣкоторыя части Финляндіи и Россіи, до днесь изрѣзанныя озерами и бологами огромнаго размѣра. Но сіи перевороты и измѣненія не оппечатались на скрижаляхъ Исторіи, и теперѣ уже не возможно означить съ нѣкоторою вѣроятностію причины и ходъ оныхъ!... Сколько спользій погрузилось въ бездну вѣковъ, когда Природа работала еще безъ свидѣтелей, могшихъ сохранить о семъ какія либо воспоминанія!...

Нѣкоторые ученые утверждали, что древнимъ извѣстна была Балтика подъ именемъ моря Сарматскаго или Свевскаго (Snéviqne); но сіи наименованія употреблялись древними Писателями въ смыслѣ весьма обширномъ; онѣ могутъ быть приспособлены и къ другимъ отдѣламъ морскихъ водъ Сѣвера, и даже въ большой части случаевъ къ массѣ сей, взятой во всемъ своемъ пространствѣ. Совершенно не извѣстно, сколь далеко простирались открытія Венеціанъ, почему и кажется, что обширность оныхъ много преувеличена. Греки и Римляне имѣли лишь несовершенныя понятія о странахъ Европы полуночной, и ихъ Географы изъяснялись на эпошъ счетъ въ выраженіяхъ темныхъ, не означая предѣловъ материка и моря. Путешествіе Піѳеаса (Pythéas), предпринятое изъ Марсеа за два или за три вѣка до Христіанской эры, отдѣленные войны Римлянъ и ихъ морскія экспедиціи къ берегамъ Юпландіи, также были могутъ и торговля ланаремъ, служили къ рас-

проспраненію нѣкоторыхъ частныхъ свѣдѣній, но не могли повѣрить всѣхъ идей, касавшихся сего предмета, не могли исправить всѣхъ ложныхъ умозаключеній. — Географія Сѣвера и въ особенности спранъ, прилежащихъ Балтійскому морю, продолжала быть одѣянною непроницаемымъ мракомъ, разсѣявшимся лишь чрезъ нѣсколько вѣковъ, въ слѣдствіе перемѣнъ политическихъ и торговыхъ. Вообще распочали сокровища учености, дабы опыскавъ въ Даніи, въ Норвегіи, въ Швеціи и въ Пруссіи слѣды того, что говорятъ о Сѣверѣ Страбонъ, Плиній Тацитъ, Помпоній-Мела. Конечно можно дѣлать догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя (15), но ни одна изъ нихъ не разрѣшаетъ неизвѣстностей и сомнѣній. Проспирательно было Древнимъ не имѣть большихъ познаній географическихъ; успѣхами по части ихъ новѣйшіе народы обязаны мореплаванію и торговлѣ. И пакъ воспользуемся интересными описаніями, которыя они оставили намъ о спранахъ, ими видѣнныхъ, или пѣхъ, въ коихъ они обитали, и извинимъ незнаніе ихъ въ томъ, чего они знавъ не могли! Будемъ слѣдовать за ними по классической Греціи, Азій, Египту, по Италіи, Испаніи, Голландіи, и даже до береговъ Рейна и Везера; но не спанемъ заблуждапсья, вмѣстѣ съ ними, въ спранахъ полярныхъ, межъ поколѣній варваровъ, коихъ они видѣли лишь издадека или между

(15) Удовлетворительнѣйшія изысканія по сей части сущъ ученаго Госселена.

чудовищными породами Иппоподовъ, Аспропо-
фаговъ, Кинокефаловъ, сотворенныхъ ихъ вооб-
раженіемъ. Тогда еще не приспѣвало то время,
когда накопившіяся открытія, когда труды и
наблюденія Физиковъ и Астрономовъ соединенно
съ отважными предпріятіями мореходцевъ и
воинствъ подвигнули челоѣка обратиться внима-
ніе на всю огромную цѣлость Земнаго Шара,
и дали возможность обозрѣвать страны отъ
экватора и до полюсовъ.

Однако же надлежитъ упомянуть о нѣко-
торыхъ замѣчаніяхъ Древнихъ, болѣе въ частно-
сти относящихся къ нашему предмету. Пом-
поній-Мела, кажется, довольно ясно обозначаетъ
Кампегатъ и его при пролива, описывая
углубленіе, которое онъ называетъ *Синусъ-Ко-
данусъ* отъ имени сосѣдней земли, зовомой имъ
Коданонія (Codaonia). Онъ говоритъ: »Сіе про-
тяженіе водъ не походитъ на настоящее мо-
ре. Входя во внутренность твердой земли —
воды проникаютъ всюду, часто превысивъ бе-
рега, разливаются неопредѣленно, какъ большія
рѣки и приморье, видѣются въ материкъ; одна-
ко жъ, задержанныя островами, кои не далеко
отстоятъ одни отъ другихъ — воды текутъ
сужившись, въ видѣ рукава или пролива, и по-
томъ склеиваясь, принимаютъ дугообразную фор-
му (16).« Птоломей, упоминая о заливѣ Венет-
скомъ, въ коемъ думаютъ видѣть Фриш-

гафъ съ сосѣдними водами, называетъ многія рѣки, впадающія въ Балтику съ востока; но при всемъ этомъ рѣки сіи, за исключеніемъ Вислы (Vistula), означены именами едва вразумительными; и едва ли можно опысать, гдѣ, напр: Хронусъ, Рюдонъ или Рубонъ (Rhubon), Турунпусъ и Хесинусъ (Chesinus); полагаютъ же имена сіи соотвѣтственными Прегелю, Нѣману, Виндавѣ, и Двинѣ (Düna). Также находятся у Птолемея подробности о Херсонесѣ Кимврійскомъ, о южныхъ берегахъ Балтики и объ островахъ моря сего. Хотя подробностейъ сямъ недостаетъ ясности, но все таки онѣ, равно какъ и другія замѣчанія Птолемея, удовлетворительнѣе того, что встрѣчается о тѣхъ же предметахъ у Плинія, Тацита и Помпонія-Мелы. Нѣкоторые Ученые полагаютъ, что Птоломей почерпнулъ сіи географическія свѣдѣнія изъ потаенныхъ архивовъ; но предположеніе сіе не опирается ни на какое историческое доказательство, тѣмъ болѣе, что и самое существованіе архивовъ подвержено великому сомнѣнію; другіе же думаютъ, что оныя сказанія были включены Писателями новѣйшими, и сіе тѣмъ болѣе правдоподобно, что дѣйствительно открыты въ Птоломеевѣ многія другія вставки, и что текстъ немногихъ изъ древнихъ Авторовъ сохранился въ меньшей чистотѣ и чистотѣ.

Нашествія варваровъ произвели замѣчательное смѣшеніе народовъ; но въ то же время

происпекшій изъ сего бытъ общественный, безпорядками своими воцарилъ невѣжество и безпечность. Ни побѣдители, ни побѣжденные не мыслили воспользоваться симъ великимъ переворотомъ для распространенія свѣдѣній географическихъ, и Писатели, современные эпохѣ сей, отнюдь не показываютъ большихъ знаній о состояніи Земнаго Шара, какъ и Писатели самодревнѣйшіе.

Но — явился Карлъ Великій, и съ новымъ порядкомъ дѣлъ политическихъ раскрылись новыя средства къ познаніямъ. Походы предводителя Франковъ проложили путь къ Сѣверу, и доставили первый случай къ ознакомленію съ сею частію Европы, споль долго пребывавшею въ неизвѣстности. Рейнь и Везеръ переспали бытъ границами для Географа, коего разысканія возмогли наконецъ проспираться до Эльбы и до Балтики. Эгингардъ былъ первый, который, въ повѣствованіи своемъ о войнахъ Карла великаго, говорилъ о семъ морѣ съ нѣкоторою подробностію; однако жъ онъ не зналъ ни его протяженія, ни настоящаго положенія береговъ; и въ одномъ публичномъ актѣ того времени, оно означено подъ именемъ моря Варваровъ, принимающаго рѣку, называемую Пенъ (Реепе); это есть та рѣка, которая, перейдя Мекленбургъ и Померанію, впадаетъ въ Балтику близъ города Вольгаста. Альфредъ, Король Англіійскій, среди невѣжества, его окружавшаго, показавшій великое стремленіе къ об-

разованности, преимущественно занимался распространением свѣдѣній по части Географіи, что и составляло любимый предметъ его занятій. Два путешественника, Оперъ и Вульфстанъ (Other et Wulfstan), одинъ Норвежець, а другой Англо-Саксъ, представили ему описаніе путешествія, совершеннаго ими по сушѣ и по морямъ Сѣверной Европы — это было въ девятиомъ вѣкѣ. Альфредъ повелѣлъ перевести сіе описаніе на языкъ ему отечественный (17). Впрочемъ оно не пространно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ большія неясности, въ особенности же въ собственныхъ именахъ народовъ и земель; но главнѣйшія положенія материка и частности значительнѣйшія — очерпаны и выражены вѣрно. Балтика является здѣсь подъ именемъ моря Восточнаго, коимъ величали ее древніе Скандинавы, и которое доселѣ въ употребленіи между Шведами, Датчанами, Нѣмцами и Голландцами. Берегъ Пруссіи и воды ему сосѣднія описаны съ наибольшимъ тщаніемъ.—Описаніе сіе есть наидревнѣйшій, *достойный* памятникъ Географіи Сѣвера, и просвѣщенный Государь, содѣлавшій его извѣстнымъ, заслуживаетъ признательность потомства.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего, проповѣданіе Христіанства содѣлалось эпохою, бла-

(17) Во Французскомъ переводѣ оно находится въ книгѣ, подъ заглавіемъ *Histoire des découvertes en l'Europe*, par Foster.

госприятною для географическихъ открытій въ странахъ полуночныхъ. Превозмогая всѣ препоны, миссіонеры проникли въ Данію, въ Швецію, въ Норвегію, и даже до предѣловъ Лапландіи. Протяженіе великихъ заливовъ Балтійскаго моря, столь глубоко впѣсняющихся въ материкъ на Воспокъ и на Сѣверъ — изумило ихъ почти такъ же, какъ въ послѣдствіи изумились Испанцы, встрѣпя заливъ Мексиканскій. И вопль по донесеніямъ миссіонеровъ и по собственнымъ замѣчаніямъ нѣкто Адамъ Каноникъ въ Бременѣ составилъ описаніе Сѣверныхъ земель — это было уже въ XI столѣтіи. Дѣписатель сей съ довольною точностію говоритъ о странахъ, лежащихъ на югъ Балтики; но, по мѣрѣ приближенія къ Сѣверу, теряетъ совершенно! Представляя материкъ островами и относя къ полюсу преданія, касающіяся морей Чернаго и Азовскаго (Palus Meotides), онъ помѣщаетъ на полуночныхъ берегахъ Балтики — Амазонокъ, многіе баснословные народы и ужасныхъ чудовищъ. Въ сказаніяхъ-то сего Писателя, великое Средиземное море Сѣвера въ первый разъ названо Балтійскимъ — имя, взявшее верхъ надъ прочими, преимущественно въ языкахъ Латинскомъ и Французскомъ. Слову *Балтика* давали многоразличныя этимологическія истолкованія; правдоподобнѣйшее есть то, которое производитъ его отъ *Belt*, означающаго на Тевтоническомъ языкѣ — *вторженіе воды*; подтвержденіе же сему находящіяся въ существующихъ

еще именахъ двухъ изъ трехъ проливовъ, кои сообщаютъ Балтику съ Кампегатомъ.— Шведы производятъ сіе названіе отъ Скандинавскаго слова *baelt*, означающаго *полюсъ*; Пруссакъ отъ Славянскаго или Лапышскаго *ball*, *бѣлый*, и еще отъ имени какого-то Короля — *Бальтусъ*. Другіе же, для объясненія слова Балтики, прибиваютъ къ острову, у нѣкоторыхъ Географовъ названному *Baltica*.

Поприще Этимологовъ обширно, и оно дѣлается еще бѣльшимъ, когда къ суммѣ ученыхъ доводовъ присоединяются усилія національнаго тщеславія!

Распространеніе мореплаванія и торговли послужило къ повѣренію и пополненію свѣдѣній, собранныхъ миссіонерами; — и наконецъ Балтика содѣлалась извѣстною во всемъ своемъ объемѣ, такъ, что Географія возмогла означить ея предѣлы и очертаніе береговъ, въ особенностѣ послѣ того, какъ въ XII вѣкѣ Бременцы посѣтили заливъ Ливонскій (Рижскій), а Шведы въ то же время проникли въ заливы Ботническій и Финскій; однако жъ первый изъ нихъ представленъ въ настоящемъ своемъ видѣ и положеніи относительно къ окрестнымъ материкамъ, лишь въ началѣ послѣдняго столѣтія.— Вообще, топографическія подробности различныхъ странъ долго были пренебрегаемы, отъ чего и происходили многія погрѣшности, какъ въ географическихъ картахъ, такъ и въ самыхъ сочиненіяхъ.

Балтійскія воды, омывающія значительную часть земель Сѣверной Европы, заключаются между Данією, Мекленбургією, Пруссією, Россією и Швецією. Южнѣйшая точка бассейна сего находится между Мекленбургомъ и Померанією подъ 53° 50' сѣв. шир.; сѣвернѣйшая при вершинѣ Ботническаго залива, близъ Торнео, подъ 65°, 51'. — Разсматриваемая во всемъ своемъ протяженіи отъ Торнео и Пестербурга до Бельшовъ и Зунда — поверхность Балтики можетъ простираться до 20.300 квадр. миль; наибольшая длина оной, считая по прямой линіи между городомъ Висмаромъ (въ Мекленбургіи) или между островомъ Воллиномъ (при берегахъ Помераніи) и городомъ Торнео (въ Финской провинціи Вестроботніи) — простирается до 240 Италіанскихъ (морскихъ) миль. Наибольшую же ширину почтительно можно линію между Стокгольмомъ и Пестербургомъ, которая и заключается между 120 и 130-ю Итал. милями.

Долго въ Германіи, и вообще на Сѣверѣ, почитали какъ бы за доказанное, что Балтика гораздо возвышеннѣе Океана. Но наблюденія, произведенныя учеными Географами при проводкѣ Голштинскаго канала, соединяющаго оба сосѣдніа моря — показали, что поверхности ихъ вообще равновысотны, и что если иногда замѣчается небольшая разность, то это происходитъ отъ причинъ случайныхъ и преходящихъ (18).

(18) См. *Reise in die Marschlaender* или *Voyage dans les contrées des Marches*, par Teteln.

Течение же изъ Балтики въ Кампегатъ происходитъ отъ избытка дождевыхъ и рѣчныхъ водъ, и не достаточно для того, чтобы предположить возвышенность всего водохранилища, чему ни какихъ иныхъ доказательствъ не находилось. Что же касается до глубинъ, то онѣ различествуютъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Разность сія примѣчается при самомъ вступленіи въ Кампегатъ, и тѣмъ болѣе войдя въ самую Балтику; здѣсь, не такъ, какъ въ Нѣмецкомъ морѣ, глубина не нисходитъ до ста двадцати и до полутора саженъ, но останавливается между сорока, пятидесятью, шестидесятью; въ заливахъ же и бухтахъ между двадцатью, пятнадцатью или десятью, и до шести, четырехъ и двухъ. Почти на срединѣ моря въ одномъ мѣстѣ встрѣчается сто десять саженъ, а въ другомъ сто пятнадцать. Переходы отъ одной глубины къ другой часто весьма быстры, по причинѣ неровности дна, устьяннаго великимъ множествомъ рифовъ и валуновъ. Сія рифы и валуны пролегаютъ иногда въ видѣ хребтовъ, примыкающихъ къ горамъ, холмамъ и укурамъ матерой земли.

Очерки береговъ Балтики представляютъ большое разнообразіе. На югъ и востокъ, берегъ вообще низменъ и песчанъ. На западъ же и сѣверъ значительно возвышенъ; скалы, шхеры, острова облегаютъ его по всему продолженію воды; при берегахъ сего моря то разливаются длинными рукавами или широкими бассейнами,

по принимають видъ озеръ или рѣчекъ. Два же особенно пропаянные углубленія, какъ бы отдѣлившіяся для того, чтобы сослѣвовѣ два отдѣльные моря — суть великіе заливы Финляндіи и Ботніи.

Бросивъ сей общій обзоръ, мы представимъ теперь частныя разсмотрѣнія Балтики, дабы подробнѣе ознакомиться съ примѣчательными мѣстами сего моря, съ его берегами, портами, и дабы изложить нѣкоторыя историческія замѣчанія о спранахъ, къ нему прилежащихъ.

Юго-западная часть Балтики, заключающаяся между Датскими островами, Шлезвигомъ, Гольштиніею и Любекомъ.

Пройдя проливы, ведущіе въ Балтику, на юго-востокъ открывается море сіе подъ видомъ рукавовъ, болѣе или менѣе распяженныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя окружають острова Даніи, между тѣмъ, какъ другіе соприкасаются Шлезвигу, Гольштиніи и вольному городу Любеку. Мѣста сіи на сѣверъ суть тѣ, кои озаряють лучшее небо, гдѣ дѣятельность мореплавательная продолжается наидолѣе, и гдѣ наиболѣе представляется предметовъ замѣчательныхъ. Главнѣйшіе острова: Зеландія (Sjælland), Фіонія, Мюнъ (Moen), Фальстеръ, Лаландъ, Альсенъ (Alsén) имѣють берега цвѣтушіе и плодоносные, закраины коихъ въ иныхъ мѣстахъ равняются съ горизонтомъ водъ, а въ другихъ воздымаются

на сто и на двѣсти футовъ, образуя верхи горъ, мысы и обрывы. Мѣстность сія во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ прекрасный Архипелагъ Греческій, столь знаменитый въ лѣтописяхъ Поэзіи. Воображеніе можетъ дорисовывать горы, сады Калипсы и утѣсь, на коемъ Аріадна оплакивала непостоянство Тезея. Очарованіе было бы совершеннѣе, ежели бъ возлѣ буковыхъ и ясеневыхъ рощей взоръ могъ встрѣчать чащи померанцовыя или грозды винограда, и если бы, вмѣсто суроваго нарѣчія Германскаго и Скандинавскаго, слышался гармоническій языкъ Гредін! Межъ островами плаваніе весьма спокойно; при достаточной глубинѣ, имѣя вѣрныя якорныя спойанки и много портовъ, хорошо защищенныхъ, острова сіи еще шѣмъ заслуживаютъ вниманіе, что они были колыбелью Датскаго Государства, распространившагося потомъ, съ одной стороны, до Нѣмецкаго моря, а съ другой до Балтійскаго. Обыкновенная резиденція Датскихъ Королей еще съ незапамятныхъ временъ была на островѣ Зеландіи.

Вдоль Шлезвига и Гольштейніи море вездѣ омываетъ почву низменную и ежегодно покрывающуюся обильными жамвами. При заливахъ и бухтахъ, находящихся здѣсь, процвѣтають многіе города, по положенію своему весьма важные для коммерціи. На границахъ Ютландіи и Шлезвига находится городъ Габерслебенъ съ хорошою гаванью, хотя не пространною и ма-

ло глубокою; за то портъ Апенраде, весьма мало удаленный отъ перваго, обширнѣе и глубже. Заливъ, втѣсняющійся на шесть миль внутрь земли, ведетъ суда въ Фленсбургъ (19), городъ изъ первыхъ по торговлѣ во всей этой странѣ. Жителей въ немъ считается болѣе 10 тысячъ. Нѣкоторыя отмели, находящіяся при входѣ въ заливъ, означены вѣхами и бакенами. Въ гавани, прикосновенной къ главнѣйшимъ частямъ города, могутъ стоять самыя большіе корабли; хотя отъ времени до времени кучи песку намываются сюда маленькою рѣчкою и дождевыми водами, спекающимися съ сосѣднихъ высотъ, но это незначительное неудобство здѣсь мало вредно, не такъ, какъ въ портѣ Шлезвигъ, находящемся при заливѣ Шлей. Портъ сей, долгое время весьма посѣщаемый, вдругъ отъ наносовъ сдѣлался недоступенъ, такъ, что стоило великихъ трудовъ и издержекъ, дабы снова обратитъ его въ приморскій портъ, въ чемъ и успѣли, прорывъ каналъ глубиною въ двѣнадцать футовъ. Городъ Шлезвигъ построенъ амфиитеатромъ, вокругъ западной части залива; онъ прилежитъ къ замку *Готторпу*, колыбели той отрасли Гольштинскаго Дома, которая царствуетъ въ Россіи. Шлезвигъ имѣетъ климатъ весьма здоровый; народонаселеніе его простирается до 6000 чел. Насупротивъ города сего, на противоположномъ берегу, преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ, въ 1250

(19) Шир. 54°, 47', 50". Дол. 7°, 6', 40".

году, Эрикъ, Король Датскій, пэмънически погубленъ братомъ своимъ, Абелемъ. Домогаясь верховной власпи, Абель много разъ намѣревался свергнуть Эрика съ прона; но планы его всегда распроивались, и казалось, что онъ уже потерялъ надежду на успѣхъ. Оба брата, какъ казалось, примирившіеся, вдругъ вспрѣтились въ Шлезвигъ, и Абель предложилъ Эрику прогуляться по заливу; вскорѣ челнъ ихъ причалилъ близъ одной деревушки, и когда вышли они шупъ на берегъ, Абель подалъ знакъ своимъ сообщникамъ, чтобы зарѣзать Эрика, который, будучи безоруженъ и безпомощенъ, не могъ сопротивляться, и обезглавленное тѣло его было брошено въ заливъ!... Но между тѣмъ преданіе же гласитъ, что Абель, восходя на тронъ, повелѣлъ служителямъ церкви, сосѣдней оной деревушкѣ, — молиться за упокой души Эрика!... Однако и виновникъ убійства наказанъ былъ чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, и равномерно въ кровавомъ переворотѣ утратилъ прощъ и жизнь свою. Предпринявъ походъ проппивъ взбунтовавшихся Фрисландцевъ Шлезвигскихъ, онъ попался къ нимъ въ руки и, опозоренный, былъ ими умерщвленъ!...

Шлезвигскій берегъ кончается близъ города Эскернфорда, имѣющаго весьма обширный портъ, и Фредериксорта, или Христіанспроса — маленькой крѣпости при устьѣ Кильскаго залива. — При вершинѣ сего залива, въ плодоносномъ округѣ провинціи Гольштинской, стоитъ городъ

Киль, съ весьма хорошою гаванью. Въ этой же провинціи естъ еще довольно важные порты Гейлигенгафенъ, Люпъенбургъ и Ньюстадтъ.

Южнѣ всѣхъ лежишь Любекъ (20), сей древній коммерческій городъ, долго бывшій главою Ганзейскаго союза, и доселѣ считающійся отъ 30 до 40.000 жителей. Портъ, находящійся прѣмъ милямъ ниже города, образуется устьемъ рѣки Травы. Оба берега рѣки сей покрыты мызами и садами, и весь сосѣдній околотокъ замѣчательнъ богатствомъ земледѣлія.

Мѣстечко Травемюнде (21), при входѣ въ портъ, преимущественно заселено лодчанами и рыбаками. Сюда сѣзжаются изъ окрестностей, дабы наслаждаться морскими видами и прелестными прогулками вдоль берега.

Гольштинія, Шлезвигъ и Юпландія составляютъ тогдѣ большой полуостровъ, который древніе называли Херсонесомъ Кимерійскимъ, омываемый съ востока Балтикою и Каппскаго моря, а съ запада Сѣвернымъ моремъ.

Во всю длину сего полуострова простирается рядъ песчаныхъ высокостей, лежащихъ на скалахъ и камняхъ. Полуостровъ сей некогда подвергался великимъ наводненіямъ вдоль западнаго своего берега. Слѣдуя преданію, существующему на сѣверѣ Германіи, во времена отдаленныя воды равномерно затопляли и вос-

(20) Шир. 53°, 51', 18". Дол. 8°, 21', 57".

(21) *Mund, Mündung* значить, устье рѣки.

почный берегъ, проспирая разливіе сіе да-
же до Мекленбурга. Въ это-то время, гово-
ритъ одинъ Нѣмецкій Писатель, острова Даніи
и при пролива получили то образованіе и тогъ
очеркъ береговъ, который сохраняють досель.
Тогъ же Авторъ сводитъ сію катастрофу со
временемъ переселенія Кимбровъ, послѣдо-
вавшимъ почти за сто лѣтъ до Христіан-
ской эры. По общему мнѣнію, Кимбры вышли
изъ Херсонеса, отъ ихъ имени названнаго Ким-
врійскимъ, для того, чѣобы избѣжать опустоше-
ній моря; но Историки не излагають ни какихъ
подробностей ни о пропѣженіи, ни о продол-
жительности наводненія, ниже о послѣдствіяхъ
оного въ отношеніи къ морю и матеріку, а
потому и надлежитъ довольствоваться однимъ
познаніемъ пупи, совершеннаго Кимбрами, и
бывъ ихъ съ легіонами Римскими.

Варвары сіи, присоединясь къ сосѣдямъ сво-
имъ, Тевтонамъ, перешли Галлію и явились на
рубежахъ Италіи. Они желали водвориться подъ
этимъ прекраснымъ небомъ; но коль скоро же-
ланіе ихъ было опринуто, они принялись за
оружіе — и начались бои! Римскіе Полководцы,
кимъ поручено было побѣдить ихъ — сами
разбитые, покинули поле сраженія; и Кимбры
пошли далѣе уже, какъ побѣдители, добыли бога-
тую корысть, и грозили сокрушить столицу!

Римъ опять ощутилъ тогъ страхъ, ко-
торый первоначально наводили на него Бреннъ
и Аннибалъ, а потомъ Аларикъ и Аппи-

ла. Однако жъ еще не настало то время, когда надлежало ему изнemocъ совершенно!... Марій, принявъ команду надъ войскомъ, спасъ Италію. На поляхъ Верчельскихъ (въ Пиемонпѣ) онъ истребилъ большую часть варваровъ, и преслѣдуя бѣжавшихъ, далеко отбросилъ ихъ — искавъ новыхъ пристанищъ. Исторія не указываетъ намъ дороги, по коей они послѣдовали, ниже того, какова была судьба ихъ!... Они вдругъ исчезли съ театра событий, точно такъ, какъ тѣ рѣки, кои, прокативъ свои волны по обширному пространству материка, вдругъ скрываются съ лица земли, ввергаясь въ подземныя пропасти или исчезая въ пескахъ и песчаникахъ.

(Продолженіе впредъ.)

III.

АНТИКРИТИКА.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Въ No 37 и 38 Сына Опечества за сей годъ, напечатано *Нѣчто* о моемъ сочиненіи: *Опытъ Системы Практической Медицины*. Кроме замѣчанія, что у меня слово *таковъ* сряду стоить четыре раза (и то въ двухъ параграфахъ, 149 и 150, а не въ одномъ, какъ тамъ показано), и что хиноидинъ, безъ моего вѣдома, превратился въ фосфорокислый хининъ, я въ семъ *нѣчто* не нахожу ничего основательнаго

и справедливаго; все, съ намѣреніемъ, или по невѣднію, представлено въ превращенномъ, изуродованномъ видѣ. Я подробно описалъ, гдѣ, когда и какъ употребляли возбуждающіе и спиртные средства (§ 71, 72, 73, 76), а Воронежскій ...скій говоришь, что я совѣтую поить ими всѣхъ и безъ разбора (С. О. стр. 260); я говорю о простыхъ горячкахъ, а онъ опровергаетъ меня горячкою съ воспаленіемъ мозга (С. О. стр. 258); я говорю о первомъ періодѣ болѣзни, въ которомъ больные рѣдко поступаютъ даже въ военные большіе госпитали, а онъ выводитъ изъ сего, что всѣмъ больнымъ, туда поступающимъ, сперва должно давать возбуждающіе средства (памъ же); въ предисловіи я говорю, что я желалъ, я старался, а онъ превратилъ это въ обѣщаніе (С. О. стр. 249 и 268); даже мои приписаны мнѣніа другихъ знаменитыхъ Врачей показавшіяся,ію неосновательными, напр.: Грегори и Прингле, касательно употребленія опиума въ началѣ горячекъ. — Иначе и ожидать нельзя отъ человѣка, который или не понимаетъ, или не хочетъ понимать того, что для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ предметомъ, совершенно ясно. Доказательствомъ тому служатъ два выставленные ими періода (С. О. стр. 247), которыхъ смыслъ, въ связи съ другими, у насъ понимаютъ и Студенты, не только Врачи. Располкуйте же, пожалуйста, вашему Сотруднику смыслъ сихъ, для него непостижимыхъ періодовъ, пакъ:

1-й пер. Въ другихъ случаяхъ, хотя болѣзненные измѣненія намъ и извѣстны: но мы не можемъ ихъ опредѣлить за жизни, по сходству припадковъ сихъ болѣзненныхъ состояній съ другими.

Изъ Патологической Анатоміи намъ (Врачамъ) извѣстны разныя болѣзненные измѣненія (*mutationes morbosae, organicae*), случающіяся въ той, или другой внутренней части человѣческаго тѣла, и производящія одинаковые припадки; посему за жизни (или, пожалуй, при жизни, разумѣется, больного) мы не можемъ опредѣлить, какое изъ сихъ измѣненій находится у нашего больного. Это тамъ же пояснено примѣромъ: но Воронежскій Ірактикъ, видно, и примѣровъ не понимаетъ.

2-й пер. При томъ есть мало излечимыхъ болѣзней, которыхъ мы, узнавъ ихъ надлежаще, не могли бы излечить уже извѣстными средствами; только нужно знать, когда и какъ ихъ употребить?

Нѣкоторыя болѣзни человѣческаго тѣла, по свойству своему или по сущности, не излечимы, т. е. сосставляющія ихъ болѣзненные измѣненія не могутъ быть исправлены ни какими лекарствами; другія хотя, по сущности своей, и излечимы, но долго, или и совсѣмъ не излечиваются потому, что Врачъ надлежаще не узнаетъ, въ чемъ онѣ состоятъ, т. е. какая при томъ находится внутри тѣла перемѣна, и слѣдовательно не употребляетъ тому соотвѣствующихъ лекарствъ. Если къ такому

больному будетъ призванъ другой Врачъ, который узнаетъ его болѣзнь надлежаще, и знаетъ, какое, когда и какъ употребить лекарство; то почитавшаяся за упорную, либо и неизлечимую, болѣзнь излечивается, иногда очень скоро. Наприм.: 12-ти-лѣтняя дочь Генераль-Маіора С., мѣсяцевъ восемь спрадала болью головы. Во все это время пользовалъ ее домашній Врачъ — и призываны были на совѣтъ другіе Врачи, но безъ успѣха. Пригласили еще одного, не на совѣтъ, а просто; сей прописалъ самое простое лекарство; на второй день боль головы прекратилась и, какъ сказывалъ мнѣ недавно отецъ, болѣе не возвращалась. У 19-ти-лѣтней дѣвицы былъ небольшой свищъ подъ нижнею челюстью, въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ неуступавшій ни какимъ мазямъ, пластырямъ, фоншанеллямъ, декоктамъ и другимъ лекарствамъ, прописываннымъ разными Врачами. И пусть, случайно, пригласили того же счастливаго Врача; онъ посоветовалъ вынуть при корня испорченныхъ зубовъ. Сопроутъ это сдѣлалъ, и чрезъ три дня свищъ исчезъ навсегда. Въ сихъ случаяхъ, коимъ подобные очень не рѣдки, болѣзни были легко излечимы; но онѣ долго не излечивались потому, что не были узнаны надлежаще.

Еще нужно бы располковать Воронежскому вашему корреспонденту кое-что, наприм.: что значить низшая система нашего плѣда? въ какихъ случаяхъ только кровопусканіемъ и возбуждающими внутренними и наружными сред-

ствами можно спасти больного горячкой? (видно онъ не лечилъ и холеры); что я не отвергаю и дѣятельности организма къ излеченію болѣзней, и проч: но я не хочу терять времени симъ и опшимаю у васъ напрасно. Ежели Воронежскій практикъ не увѣримся на практикѣ, что горчичники дѣйствуютъ сильнѣе шпанскихъ мушекъ, то пусть положитъ себѣ, часовъ на восемь, на одно плече горчичникъ, а на другое мушку; тогда онъ узнаетъ, которое изъ сихъ средствъ причиняетъ скорѣе и сильнѣйшую боль, и отъ котораго происходитъ сильнѣйшее воспаленіе.

За мои объясненія попросите у сочинителя *Нѣмто*, пусть онъ объяснитъ мнѣ, для чего онъ въ примѣчаніи ко 2-му, для него непонятному періоду, присовокупляетъ, что знаки препинанія выставлены исправно? Не хотѣлъ ли онъ симъ оправдать своего земляка, сочинителя, Діетепики Юношества, который, какъ нѣкогда писано въ Сынѣ Отечества, очень погрѣшилъ прошивъ сей части Правописанія. Судя по слогу, я полагаю, что они учились въ одной школѣ. — И еще: — какъ онъ узналъ, что періодъ, коего смысла онъ не уразумѣлъ, полный, и что знаки препинанія выставлены въ немъ исправно?

Теперь обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, и другимъ Гг. Издателямъ Журналовъ съ просьбою, въ которой, вѣроятно, примутъ участіе всѣ благомыслящіе. — Ежели чув-

ство благородства не препятствуетъ, подъ
видомъ Криптики, оскорблять людей, трудя-
щихся для пользы своихъ соотечественни-
ковъ: то хоть вы, господа, для чести и поль-
зы нашей, еще очень (особливо по части Есте-
ственныхъ Наукъ) недоспапочной Литературы,
не давайте имъ къ тому случая. Конечно Жур-
налисты должны сообщать публикѣ извѣстія о
вновь выходящихъ книгахъ, и мнѣнія объ ихъ
достоинствѣ: но большая разность между кри-
птическимъ обозрѣніемъ и насмѣшкою, или кле-
веткою. Я не спрашусь криптики: напропивъ
пого, желаю оной; но чтобы эта криптика
была справедлива. Таковая криптика не толь-
ко меня не огорчитъ, но будетъ для меня
большимъ одолженіемъ. Я, какъ и всякой дру-
гой, желая открыть истину, могу ошибиться;
а извѣстно, что гораздо легче замѣтить ошиб-
ки другихъ, нежели самому избѣжать оныхъ. Я
пужусь не для славы, но для того, что же-
лаю и надѣюсь услужить, по крайней мѣрѣ, мо-
лодымъ нашимъ Врачамъ, и крикуны не заспа-
вятъ меня прекративъ мои труды по части
Медицинской Литературы, только бы люди
свѣдущіе находили ихъ пому, хотя нѣсколько,
соотвѣтствующими. Въ послѣднемъ отношеніи
я имѣлъ удовольствіе слышать не только бла-
годарность отъ бывшихъ моихъ слушателей,
умѣвшихъ, лучше Воронежскаго практика, по-
нимаю мое ученіе, и потомъ повѣрившихъ оное,
нѣсколько дѣтъ, на опытѣ; но и самые лест-

ные отзывы людей, коихъ мнѣніемъ я весьма дорожу. Бывшій мой наставникъ, проводшій почти полвѣка на каѳедрѣ, у постелей больныхъ и надъ книгами, едва ли не болѣе всякаго Врача въ Россіи знакомый съ иностранною Медицинскою Литературою, Г. Дѣйств. Сп. Сов. Иванъ Ѳедоровичъ Бушъ, разсмотрѣвъ мою книгу въ рукописи, почтилъ меня письменно своимъ мнѣніемъ на счетъ ея достоинства и недоспапковъ. Примѣрное безприспастіе сего мужа, я думаю, и вамъ извѣстно. Вотъ начало его письма!

»М. Г. П. А.! Я читалъ ваши тетради о *горячкахъ и лихорадкахъ* съ великимъ удовольствіемъ. Вы соединили афористическую краткость съ необходимою подробностію и припною ясностію. Сочиненіе сіе, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезно для нашихъ молодыхъ Врачей. Всего болѣе нравилось мнѣ объясненіе перехода горячечныхъ движеній отъ одной системы на другую, и обратный ихъ ходъ, оканчивающійся выздоровленіемъ. Равно нравится мнѣ раздѣленіе (горячекъ) по премъ главнымъ системамъ, принятое вами, т. е. сосудистой, нервной и плевистой. Но позвольте мнѣ доказать внимательное мое чтеніе еще чрезъ при-
совокупленіе нѣкоторыхъ критическихъ примѣчаній, о которыхъ промолчалъ себѣ въ грѣхъ поставляю.»

Почти такое же мнѣніе о моемъ изложеніи горячекъ изъяснилъ мнѣ бывшій Вице-Дирек-

торъ Медич. Департ. Военнаго Министерства, Г. Дѣйств. Ст. Сов. Яковъ Кузьмичъ Кайдановъ, когда я приготовилъ сію статью для помѣщенія въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ.

Я пишу сіе не въ отвѣтъ Воронежскому практику и не изъ пицеславія; но дабы показать, какіе люди и какъ иногда пишутъ у насъ крипику! Споспѣшествуетъ ли это успѣхамъ Наукъ?

Мнѣ кажется, справедливость, въ отношеніи къ публикѣ и Сочинителямъ, обязываетъ Издашелей Журналовъ, помѣщая въ оныхъ крипики, особливо безыменныя, сличить ихъ съ сочиненіями, самимъ, или поручивъ это людямъ свѣдущимъ по той части, а еще лучше, собственными сочиненіями пріобрѣтшимъ право судить сочиненія другихъ. *Прохоръ Чаруковский.*

20-го Октябръ, 1853 г.

О Т М Ъ Т К А.

На нѣхъ мѣста сей Антикрипики, которыя касаются Издашелей Журналовъ, долгомъ поставляемъ отвѣтствовать, что мы не въ правѣ входить въ разбирательство споровъ по части нѣхъ Наукъ, кои намъ неизвѣстны; а сообщая различныя мнѣнія публикѣ, ей же предоставляемъ рѣшить, кто правъ и кто виноватъ. Крипика Воронежскаго Практика доставлена намъ Докторомъ Медицины и Хирургіи, который конечно, лучше нашего, могъ знать, дѣльное ли сужденіе въ ней заключается. — Напрасно почтенный Г. Докторъ Ч. сердится за помѣщеніе оной: правда всегда возьмешь свое. Наше дѣло давать ходъ и просторъ изложенію мнѣній ученыхъ людей. Личности же въ сей крипику не было и быть не могло. *Идат.*

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Испанія.

Испанскій курьеръ привезъ въ Парижъ къ Графу Коломби кредитивную грамоту, кою оныя на-значается, отъ имени юной Королевы, Испанскимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ, и письмо, коимъ Регентша объявляетъ Королю Французовъ о восшествіи на престолъ ея дочери. Съ этимъ курьеромъ получены извѣстія по 6 Октября.

Въ Мадридской Газетѣ, отъ 3 числа, напечатанъ подписанный наканунѣ Регентшею декретъ, коимъ объявляющаея нѣкоторыя статьи завѣщанія, совершеннаго Фердинандомъ VII за три года предъ симъ. Этимъ завѣщаніемъ вдовствующая Королева назначается Регентшею при пособіи Правительственнаго Совѣща, который будетъ имѣть только совѣщательный голосъ, но сдѣлается Совѣщомъ Регентства, ежели вдовствующая Королева скончаея до совершеннолѣтія своей дочери. Членами сего Совѣща назначены Кардиналъ Марко-и-Кашаланъ, Маркизь де Санша-Крусъ, Герцогъ де Медина-Сели, Генералъ Кастальосъ, Маркизь ласъ-Амарильясъ (1) и Гг. Пуигъ и Каро, Члены Кастильскаго и Индійскаго Совѣща. Секретаремъ сего Совѣща наименованъ Графъ Окаліа, а за смертію его, Г. Зеа-Бермудесъ.

(1) Маркизь ласъ-Амарильясъ былъ, при Кортессахъ, Военнымъ Министромъ, а Маркизь Санша-Крусъ Алькадомъ и Посланникомъ въ Парижъ.

4 Октября Регентша издала слѣдующій Манифестъ: „Посреди глубочайшей скорби о неожиданной кончинѣ Августѣйшаго моего супруга и Государя, священный долгъ, коему должны уступить всѣ сердечныя ощущенія, заставляетъ меня прервать молчаніе, налагаемое на меня жестокимъ ударомъ и удручающею меня печалію. Безпокойство, всегда производимое вступленіемъ на престолъ новаго Государя, еще увеличивается недоумѣніемъ объ управленіи Государствомъ во время малолѣтства Монарха. Для разсѣянія сего недоумѣнія и для прекращенія волненія и заблужденій, порождаемыхъ онымъ въ умахъ, я почла обязанностию моею предупредить толки и неосновательныя предположенія твердымъ и откровеннымъ изложеніемъ правилъ, коимъ намерена я постоянно слѣдовать въ правленіи, возложенномъ на меня послѣднею волею Короля, Августѣйшаго моего супруга, во время малолѣтства любезнѣйшей и дражайшей дочери моей, Доны Изабеллы. Религія и монархическія правила, первыя начала жизни въ Испаніи, будутъ уважаемы, покровительствуемы и сохраняемы мною во всей ихъ чистотѣ и цѣлости. Врожденное народу Испанскому усердіе къ Вѣрѣ и богослуженію отцевъ своихъ можетъ служить ему вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что всякій Правитель его будетъ уважать эти священные предметы вѣрованія и почитанія: сердечно радуюсь, что могу содѣйствовать, предшествовать сему усердію народа, по предосудительству Капюлическаго, и утвердить его, что святая, исповѣдуемая нами Религія, ея ученіе, храмы и служители будутъ первымъ и важнѣйшимъ предметомъ попеченій моего Правительства.

„Я душевно убѣждена, что священный долгъ повелѣваетъ мнѣ сохранить неприкосновенною Королевскую власть, нѣ вѣренную; я свято буду соблю-

дать образъ правленія и основныя законы Монархїи, не допуская опасныхъ нововведеній, благовидныхъ въ началѣ своемъ, но къ несчастію нашему, слишкомъ испытанныхъ. Для каждой страны лучший образъ правленія есть тотъ, къ которому она привыкла. Власть твердая и постоянная, основанная на древнихъ законахъ, уважаемая обычаями, освященная вѣками, есть самое сильное орудіе къ устройству народнаго блага. Цѣли сей нельзя достигнуть, ослабляя власть, низпровергая существующія издавна понятія, обычаи и учрежденія, разрушая существующія выгоды и надежды, для возбужденія новыхъ стремленій и преребаній, воспаляя народныя срашпи, возсавляя людей другъ на друга, нарушая ихъ спокойствіе и возмущая все общество. Я передамъ Испанскій скипетръ установленной закономъ Королевѣ въсей его цѣлости, неослабленный, неизмѣненный, какъ оный данъ ей закономъ. Но я не намѣрена оставлять безъ воздѣлыванія драгоцѣнное наслѣдіе, ся ожидающее. Я знаю, какія бѣдствія навлечены на народъ Испанскій цѣпью злосключеній, и пощусь облегчить оныя. Знаю, и поспараюсь узнать еще короче недосадки, введенныя людьми и временемъ въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, и пощусь исправить оныя. Управленіе государственнымъ доходамъ и умноженіе благосостоянія и истинныхъ богатствъ народа будутъ постоянными предметами моего попеченія. Я буду пещись объ уменьшеніи налоговъ, сколько это будетъ совмѣстно съ сохраненіемъ безопасности Государства, съ потребностями службы, съ честнымъ и скорымъ отправленіемъ правосудія, съ безопасностію лицъ и имуществъ, съ раскрытіемъ по всемъ частямъ источниковъ богатства.

„Въ семъ великомъ предпріятіи, имѣющемъ цѣ-

лію благоденствіе Іспанія, чувствую я нужду и увѣрена въ единодушномъ содѣйствіи, въ совокупленіи воли и усердіи всѣхъ Іспанцевъ; всѣ они сыны отечества, всѣ равномерно желають ему счастья. Не хочу знать прежнихъ мѣтій, не хочу слышать ни злословія, ни доносовъ о нынѣшнихъ; не считаю за слугами или достоинствомъ темныхъ происковъ и интригъ, или чорыспныхъ увѣреній въ вѣрности и преданности. Имя Королевы и мое будутъ охранительнымъ знаменемъ отечества; они никогда не сдѣлаюся опличительнымъ знакомъ какой либо партіи. Всѣ Іспанцы имѣють равное право на мою любовь, на мое покровительство и попеченія.

„Я буду свято хранить договоры, заключенные съ иносстранными Державами, и уважать независимостъ всѣхъ; но буду и отъ нихъ требовать взаимной вѣрности и уваженія, на которое Іспанія имѣетъ право.

„Если Іспанцы будутъ содѣйствовать соединенными силами успѣху моихъ намѣреній, и если Небо благословитъ наши старанія, я иъкогда вручу моей дщери правленіе симъ великимъ народомъ, исцѣленнымъ отъ спраданій своихъ, да довершитъ она дѣло благоденствія его, и да распространитъ и увѣковѣчитъ лучи славы и любви, облекающіе въ лѣтописяхъ Іспаніи знаменитое имя Изабеллы. 4 Октябрия 1833 г.

Подп. Я, Королева Правительница.

Съ другимъ курьеромъ получены въ Парижѣ извѣстія изъ Мадрида отъ 8 Октябрия. При отъѣздѣ его, въ столицѣ и въ окрестныхъ провинціяхъ все было спокойно. Тамъ извѣстно было, что Донъ Карлосъ выѣхалъ 4 Октябрия изъ Главной кварширы Дона Мигуэля, но не знали, гдѣ онъ перѣхалъ Испанскую границу. Гг. де Бурмонъ, де Ларошжакленъ и многіе

Французскіе офицеры также прибыли въ Испанію, и держали карантинъ въ небольшомъ городкѣ въ Эспрасмадурѣ. Королева приказала отвезти ихъ, по окончаніи карантина, въ Кадиксъ и тамъ посадить на корабль.

Въ частномъ письмѣ изъ Мадрида говорятъ, что послѣ похоронъ Фердинанда VII, Королева, въ глубокомъ траурѣ, сѣла на лошадь, и ѣздила по городу съ блестящею свитою. Народъ повсюду принималъ ее съ живѣйшимъ воспоргомъ.

Донъ Карлосъ провозглашенъ Королемъ въ Бильбао монахами, и въ Вишторіи Королевскими волонтерами; гарнизоны Сентъ-Себастьянскій и Пампелунскій, посланные противъ сихъ послѣднихъ, принуждены были отступить, — Генералъ Каспаньосъ, шедшій въ Бильбао, также принужденъ былъ остановиться по малому числу бывшихъ подъ командою его войскъ, и ожидать въ Толосѣ подкрѣпленія. Возвращеніе его къ жителямъ Гвипуской произвело хорошее дѣйствіе: около полуторы тысячи волонтеровъ уже присоединилось къ войскамъ Каспаньоса. — Въ Талаверѣ также происходило возмущеніе, но оно не имѣло никакихъ послѣдствій, и мятежники разбѣжались.

По извѣстіямъ, полученнымъ въ Бордо 13 Октября, сообщеніе между Мадридомъ и Байонною прервано въ слѣдствіе послѣднихъ происшествій въ Вишторіи. 5000 человекъ гвардіи посланы туда изъ Мадрида.

Генералъ Саншосъ-Ладронъ шелъ съ 300 человекъ изъ Миранды въ Пампелуну, чтобы произвести тамъ возстаніе въ пользу Дона Карлоса. Въ Journal de Paris сказано, что 12 Октября было между ними мятежниками и войсками Королевы сраженіе, что

Сантосъ-Ладронъ взяты въ плѣнъ съ 32 поселянами и отъвезены въ Нампелуну для предачіи суду.

Въ Мадридскихъ газетахъ продолжаютъ печатать адреса, въ которыхъ разные города, сословія и начальники изъявляютъ свою покорность; въ числѣ прочихъ прислалъ таковой же адресъ и Генералъ Саротильда, командующій обсерваціоннымъ корпусомъ, расположеннымъ на границѣ Португаліи. Между тѣмъ партія Дона Карлоса, сильно поддерживаемая Духовенствомъ, увеличивается и принимаетъ дѣятельныя мѣры къ повсемѣстному возстанію. Провинціи Бискаія и Алава находятся въ полномъ возмущеніи; города Бильбао и Витпорія въ рукахъ Карлистовъ. Говорятъ, что Донъ Карлосъ прибылъ въ Испанію. Утверждаютъ что Инфантъ Донъ Франциско де Паула намѣревался выйти изъ Мадрида съ 5000 войска для погашенія мятежа. Армія вообще доселѣ на сторонѣ Королевы-Регентши.

Въ Мадридской газетѣ 12-го Октябрю напечатано слѣдующее: „Французскій Посолъ, Г-нъ де Реневаль, имѣлъ честь представляться Ея Величеству Королевы Регентшѣ, чтобы изъяснить ей соболезнованіе Е. В. Короля Французовъ о смерти Августѣйшаго ея супруга, и поздравить Е. В. съ восшествіемъ на престолъ дочери ея, Изабеллы II. Е. Пр., вѣрный исполкователь чувствованій своего Двора, объявилъ Королевы отъ имени своего Государя, что онъ предлагаетъ ей въ званіи друга, союзника, родственника и добраго сосѣда, услуги свои для поддержанія правъ ея дочери, равно какъ и пособіе, котораго она можетъ потребовать отъ Франціи, въ какихъ бы то обстоятельствахъ ни было. Королева Регентша приняла изъясненіе сихъ чувствованій съ благодарностію и чувствомъ привязанности, которое она съ давняго времени питаетъ къ другу своему и родственнику,

Королю Французовъ. Она поручила Графу де Рене-валю изъяснить Двору своему признательность, съ которою приняла она предложеніе столь благородное и великодушное, имѣющее цѣлю сохраненіе дружественныхъ сношеній между обѣими Державами. Е. В. будетъ всегда спараться поддерживать чувствено взаимнаго расположенія, которое соединяю оба Двора при жизни Августѣйшаго ея супруга, и которое Е. В. Король Французовъ нынѣ столь блистательно доказываетъ.»

Г. Минье прибылъ въ Мадридъ. Онъ, какъ говорятъ, посланъ шуда для предложенія пособія Франціи: Королева, которой онъ представлялся пошчасъ по прїѣздѣ приняла его весьма хорошо, но, какъ увѣряютъ, объявила, что она въ нынѣшнихъ обстоятеляхъ не имѣетъ нужды въ пособіи.

И д е р л а н д ы.

21 Октябръ Король Голландскій открылъ засѣданія Генеральныхъ Штатовъ слѣдующею речью:

„Благородные и Высокомочные Господа!

„Я всегда съ удовольствіемъ вижу вокругъ себя представителей великодушнаго народа, который доказательствомъ своей вѣрности и любви ко мнѣ не престаеи поддерживать меня въ заботахъ и попеченіяхъ объ управленіи Государствомъ. Но нынѣ, посреди критическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ я четвертый разъ открываю ваше собраніе, присутствіе Вашихъ Высокомочій пріятнѣе для меня, чѣмъ когда нибудь, ибо оно предназначено намъ новый случай занятья общими силами, со взаимною довѣренностію, важнѣйшими выгодами дражайшаго нашего отечества, и доказать единство видовъ нашихъ.

„Я съ признательностію вспоминаю въ началѣ сего собранія, что предъ окончаніемъ прошедшаго

вашего собранія, Домъ мой, по благословенію Божію, увеличился новою опраслію любезнѣйшаго моего втораго сына, и что поданные мои приняли это счастливое происшествіе съ живѣйшимъ участіемъ.

„Сношенія наши съ иносстранными Державами весьма удовлетворительны; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я на сихъ дняхъ еще получилъ доказательства истинной дружбы.

„Въ продолженіе послѣдняго вашего собранія, переговоры объ опредѣленіи послѣдствій возмущенія въ Бельгіи были временно замѣнены посреди мира принудительными мѣрами противъ Голландіи, безпримѣрными въ Исторіи народовъ. Возобновленіе сихъ переговоровъ, при коихъ на нашу снисходительность и несомнѣнное желаніе достигнуть окончательнаго соглашенія отвѣчали новыми затрудненіями, не довело насъ ни до какого рѣшительнаго результата.

„Сообщенія, которыя въ скоромъ времени будутъ сдѣланы вамъ по моему приказанію, покажутъ вамъ, что мы всегда имѣли въ виду единственно честь, достоинство и истинныя пользы народа.

„Я продолжаю, впрочемъ, надѣяться, что переговоры сіи будутъ окончаны согласно съ справедливостію; и когда бы Европейская политика не исполнила частію справедливой надежды на поддержаніе неоспоримыхъ правъ нашихъ, то древніе Нидерланды не спашутъ жалѣть о стойкости, оказанной ими въ послѣдніе три года, но бросивъ довольный взглядъ назадъ, на образецъ народности, привязанности къ законамъ и къ общественному порядку, который они не преставали представлять посреди смута нашего вѣка, они спокойно подвергнутъ поведеніе свое суду современниковъ и потомства.

„Посреди горестныхъ ощущеній, произведен-

ныхъ въ насъ мѣрами Правительствъ Ангійскаго и Французскаго, народная гордость наша нашла утѣшеніе въ поведеніи арміи и флота, которые достойнымъ образомъ содѣйствовали къ поддержанію въ глазахъ Европы чести имени Нидерландскаго.

„Я былъ глубоко пронупъ изъявленіями признательности народа къ мужественнымъ воинамъ, къ раненымъ и къ семействамъ шѣхъ, которые положили жизнь за отечество.

„Состояніе войскъ нашихъ, по прежнему, удовлетворительно. Они поддерживаютъ общее мнѣніе о ихъ славолубіи, дисциплинѣ и искусствѣ. Часть арміи возвращена, посредствомъ отпусковъ на долгіе сроки, къ прежней своей жизни и къ обыкновеннымъ занятіямъ.

„Мы терпѣливо сносили препяшствія, полагаемыя Нидерландскимъ торговлѣ и мореходству. По прекращеніи сихъ препяшствій, соотечественники наши съ похвальною дѣятельностію начали педирься о вознагражденіи потерь своихъ.

„Въ нынѣшнемъ году Небо вполнѣ наградило труды земледѣльца, и во многихъ отрасляхъ народной промышленности замѣчается новая жизнь, отъ которой я ожидаю наилучшихъ результатовъ, не только для Государства, но и для заморскихъ нашихъ владѣній.

„Владѣнія наши въ Восточной Индіи, по послѣднимъ извѣстіямъ, наслаждаются вожделѣннымъ спокойствіемъ. Улучшеніе финансовъ шествуетъ тамъ наравнѣ съ постепеннымъ распространеніемъ воздѣлыванія важнѣйшихъ произведеній земли. Благодѣтельное вліяніе сего дѣйствуетъ также и на мѣтрополію.

„Владѣнія наши въ Западной Индіи терпѣливо сносили препяшствія, положенныя сношеніямъ ихъ

съ Нидерландами, препятствія, которыя не прекратили, впрочемъ, взаимныхъ сообщеній.

„Въ сихъ обстоятельствахъ, общественное расположеніе всѣхъ нашихъ колоній явилось въ самомъ лучшемъ видѣ. Всѣ классы народа соперничествовали въ желаніи доказать привязанность свою къ метрополіи.

„Правительство продолжаетъ ревностно пещись о благоустройствѣ управленія Государства; ему дѣлательно содѣйствуютъ въ семъ спараніи Провинціальныя и Общинныя Начальства, и оно съ мудрою осмотрительностію продолжаетъ вводить упрощенія, найденныя полезными.

„Всѣ отрасли народнаго просвѣщенія продолжаютъ соопѣвствовать моимъ попеченіямъ. Изученіе Наукъ производится по прежнему съ наилучшимъ успѣхомъ.

„Запруднительныя обстоятельства нынѣшняго времени, безъ сомнѣнія, должны были подѣйствовать на состояніе Искусствъ, но уже и нынѣ можно съ удовольствіемъ указать на нѣкоторыя произведенія, доказывающія, что Художники наши не лишились мужества.

„Прошедшая зима была весьма благопріятна для нашихъ гидравлическихъ работъ; между тѣмъ свирѣпствовавшіе въ послѣднее время ураганы произвели въ нихъ поврежденія, которыхъ исправленіе немедленно было начато.

„Финансы наши находясь въ хорошемъ положеніи; участіе, принятое въ послѣднемъ займѣ и исправное уплачиваніе податей, обезпеченное благоразумными законами, подають мнѣ нынѣ возможность удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Сообщенія, которыя будутъ сдѣланы по сему предмету Вашимъ Высокомочіямъ, докажутъ, какъ я надѣюсь, что го-

сударственный кредитъ, которымъ мы не преславали пользоваться, покоишься на прочныхъ основаніяхъ.

„Бюджеты, которые будутъ представлены Вашимъ Высокомочіямъ, покажутъ вамъ желаніе мое, съ одной стороны сдѣлать изъ финансовой системы однородное цѣлое, съ другой, уравнивъ раскладку податей на поземельныя владѣнія.

„Неокончанныя доселѣ спашы Гражданскаго Уложения будутъ представлены на разсмотрѣніе Вашихъ Высокомочій. Я надѣюсь также, что и другія, не менѣе важныя части Законодательства будутъ обработаны въ нынѣшнее собраніе.

„Б. и В. Г.! И нынѣ, какъ всегда, надѣюсь я на ревностное ваше содѣйствіе для успроенія блага государства въ теченіе нынѣшняго вашего собранія. Желаю, чтобы до окончанія онаго прекратилось смущенное (incertaine) положеніе, въ которомъ находимся мы со времени возстанія полуденныхъ провинцій. Между тѣмъ, мы будемъ спокойно и поспешенно слѣдовать по пути благоразумія и истины, по которому шли мы доселѣ дружелюбно, посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ; тогда, какія бы происшествія ни возникли, мы можемъ съ спокойною совѣстію и безпредѣльною надеждою на Всевышняго ожидать будущности, назначенной Нидерландамъ.»

На другой день Вторая Палата избрала на мѣсто Президента трехъ Кандидатовъ, изъ коихъ Король утвердилъ Г. Сипкенса.

На Амстердамской Биржѣ утвердительно говорили, что Е. В. Король, по требованію Лондонской Конференціи, дѣйствительно вступилъ въ сношеніе съ Сеймомъ Германскаго Союза по дѣлу о раздѣлѣ Люксембурга.

Въ Гагу прибылъ Князь Шварценбергъ съ особымъ порученіемъ отъ Австрійскаго Императора.

Франція.

Королевскимъ повелѣніемъ отъ 10 Октября, Баронъ Мортье наименованъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Дворѣ Королевы Португальской Доны Маріи; Г. де Людръ назначенъ Секретаремъ Посольства.

Герцогъ де Броли отправилъ 15 Октября въ Мадридъ курьера съ кредитивною грамотою Г. де Рейневалю на званіе Французскаго Посла при Дворѣ Королевы-Регентши.

Въ прѣшней четверти года собрано косвенныхъ налоговъ 142.877.000 фр., то есть 2.990.000 меньше, чѣмъ во второй четверти, и 9 859.000 болѣе, чѣмъ въ Январѣ, Февралѣ и Мартѣ. Въ первые девять мѣсяцевъ сего года собрано всего 421.782.000 фр., болѣе чѣмъ въ тѣ же мѣсяцы 1832 года; 15.564.000 франками и 57,487,000 франками болѣе, чѣмъ въ три первыхъ четверти 1831 года.

Правительство приказало сосредоточить на Испанской границѣ двѣ дивизіи, которыя будутъ состоять подъ командою Генерала Гариспа.

Въ Монистерѣ напечатано офиціальное донесеніе о занятіи города Бужіи. Французскія войска овладѣли онымъ 30-го Сентября послѣ сильнаго сопротивления со стороны Арабовъ; но жители убѣжали изъ города. Французы нашли тамъ только около двадцати женщинъ и шариковъ. На одной изъ командующихъ городомъ высотъ немедленно былъ поставленъ блокгаузъ, не смотря на все усиліе Бедуиновъ; 1-го Октября 4000 Арабовъ проникли въ городъ чрезъ рвы и на улицахъ завязалось сраженіе; но съ помощію морскихъ солдатъ, присланныхъ съ кораблей,

Арабы были выгнаны. На другой день Генераль Тре-зель послалъ въ окрестности города рекогносцировку, чтобы поспроить редутъ на одномъ возвышеніи, командуящемъ надъ дорогою въ Буژیю.

Для наказанія Бедуиновъ, Генераль Вуароль отправлялъ на Блндскую долину 2000 человекъ, которые разорили и выжгли двѣнадцать деревень, и опогнали нѣсколько стадъ. Эта экспедиція не удовлетворила арміи: войска хотѣли бы добраться до Шенковъ, которые возбуждаютъ Бедуиновъ къ мяшежу, и живутъ въ городѣ Коллеа (святой городъ), имѣя тамъ сокровища, проспирающіеся, какъ говорили, до 20 милліоновъ франковъ.

По частнымъ письмамъ изъ Картагены (что въ Колумбін), тамошнее Правительство нанесло важное оскорбленіе Французскому Консулу Адольфу Барро (брату извѣстнаго Депутата Одилона Барро). Одинъ Алькадъ публично оскорбилъ его; Г. Барро хотѣлъ тотчасъ съѣхать на корабль, но его не выпустили изъ города и посадили въ тюрьму; возбужденный Алькадомъ народъ хотѣлъ даже убить Консула. Въ слѣдствіе сего въ Мониперѣ напечатано: «Конспрь-Адмиралъ Баронъ Макау, который отправляется изъ Бреста на фрегатѣ Апаланпа къ Анжилскимъ островамъ, получилъ приказаніе зайши въ Картагину, изслѣдовать происшествіе, случившееся тамъ съ Французскимъ Консуломъ, и попребовать удовлетворенія, сообразнаго съ оскорбленіемъ, о которомъ Правительство не имѣетъ еще оціціальныхъ донесеній.»

20 числа упрямъ, Король съ Герцогами Орлеанскимъ и Жоанвилльскимъ, съ Министрами Военнымъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Торговли, съ Маршалами Жераромъ и Лобау, ѣздитъ на Лебединый Островъ (l'île des Cygnes) закладывать магазинъ складочнаго жѣска.

Говорятъ, что Палаты будутъ открыты между 20 и 25 числами Декабря.

Утверждають, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ приготовилъ къ слѣдующему собранію Палатъ 55 проектовъ законовъ, Г. Бартъ 15, Г. Гуманъ 22, и Г. Тьеръ 177; итого 269 проектовъ, не говоря о тѣхъ, которые, можетъ быть, представлятъ Гг. Сульть, де Броли и де Риньи. Впрочемъ въ этомъ числѣ есть много мѣстныхъ законовъ, которые не пребудутъ продолжительныхъ разсужденій.

Г. Паумелъ-Томпсонъ, которому поручены Англійскимъ Правительствомъ переговоры о торговомъ трактатѣ между Англіею и Франціею, прибылъ въ Парижъ и намѣренъ объѣхать главные торговые Французскіе города.

Г. Шевалье, Сентъ-Симонистъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы, въ которой сидѣлъ онъ по судебному приговору, вмѣстѣ съ Г. Анфаншенемъ отправляется, по порученію Правительства, въ Сѣверную Америку для обозрѣнія тамошнихъ чугунныхъ дорогъ, каналовъ, пароходовъ и проч.

А н г л и я.

Въ теченіе четверти года, оканчивающейся 10 Октября, въ сравненіи съ тою же четвертью 1852 года, собрано 253.276 фунтами стерлинговъ менѣе, а въ годъ, оканчивающійся того же числа, 380.420 ф. ст. также менѣе. Въ Іюль, Августъ и Сентябрь недоборъ по таможеннымъ пошлинамъ проспирасется до 10.000 ф. ст., а большая часть недобора въ годовыхъ доходахъ происходитъ отъ уменьшенія многихъ акцизныхъ пошлинъ.

Въ Times напечатана слѣдующая, составленная изъ офиціальныхъ документовъ вѣдомость о числѣ людей, переселившихся изъ Великобританіи. Въ 1825

году выѣхало 14.891 ч., въ 1826-мъ 20.900, въ 1827-мъ 28.003; въ 1828-мъ году 26.092; въ 1829-мъ 39.198; въ 1830-мъ 56.907; въ 1831-мъ 83.160; въ 1832-мъ 103.114; всего въ восемь лѣтъ 372.265 ч., среднимъ числомъ въ годъ 46.533 ч.

Въ Лондонѣ составляется Компанія акціонеровъ для производства порта съ Кипаемъ; капиталъ сего общества долженъ простирается до 2 милліоновъ ф. сп.

Недавно умершій Герцогъ Суверландскій оставилъ наслѣдства болѣе 1.000.000 ф. сп. (25.000.000 р.) По Англійскимъ законамъ, пошлина съ наслѣдствъ взимается до одного милліона фунтовъ стерлинговъ, и доселѣ только наслѣдники Гг. Рундела и Пилла платили пошлины не со всего завѣщаннаго имъ имущества.

16 Октябрія Король пріѣзжалъ въ городъ и присутствовалъ въ Тайномъ Совѣтѣ, въ которомъ положено отложить открытіе Парламента до 12 Декабрія.

Журналы разныхъ парій извѣщаютъ опасенія на счетъ обществъ, составляющихся въ Англіи для того, чтобы не платить подашей. Въ Morning-Chronicle говорятъ слѣдующее:

»Мнѣніе наше о пошлинѣ съ домовъ и оконъ извѣстно; мы осуждаемъ этотъ налогъ; сами Министры его охуждаютъ; но онъ составляетъ важную часть государственныхъ доходовъ, и пока онъ не уничтоженъ закономъ, надобно платить его. Посему мы съ величайшимъ прискорбіемъ видимъ, что въ Лондонѣ образуются общества для воспрепятствованія исполненію сего закона. Таковое положеніе вещей есть настоящее безначаліе. Тѣ, которые нынѣ составляютъ общества для сопротивленія взиманію одной шаксы, завтра составятъ также общество противъ другой шаксы, или, чтобы скорѣе кончить, противъ всѣхъ

податей и налоговъ, безъ исключенія. Утверждаемъ рѣшительно, что право собственности находится въ величайшей опасности. Государственные доходы идутъ опчасни въ руки многочисленнаго класса гражданъ, и составляютъ все ихъ богатство. Ежели народъ не будетъ платить шакъ, какимъ же образомъ Правительство будетъ исполнять свои обязанности? Спрашиваемъ: къ чему все это должно повести? Народъ, добившись преобразованія Парламента, удержалъ въ рукахъ своихъ средства, послужившія ему къ разрушенію прежняго Парламента, и употребляетъ ихъ противъ нынѣшняго. Въ сихъ обстоятельствахъ ни какой Парламентъ существовать не можетъ, или лучше сказать, не можетъ быть ни законовъ, ни Правительства, и одно только безначаліе будетъ у насъ царствовать. Въ столь критическихъ обстоятельствахъ, кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Надобно, чтобы этимъ обществамъ, составленнымъ противъ закона, противопоставляли общества людей, рѣшившихся поддерживать законъ. Иначе мы скоро принуждены будемъ повиноваться закону широкихъ плечъ и сильныхъ рукъ. Торжественно вызываемъ ко всѣмъ добрымъ гражданамъ. Да не обманываются они на счетъ опасности: она ужасна! Возстаньте же, вы всѣ, пользующіеся вліяніемъ и влаждующіе какою либо собственностію! спѣшите на помощь закону и подавите въ самой колыбели безначаліе, намъ угрожающее! Если вы допустите его сдѣлать хотя одинъ шагъ, вы погибли.»

Въ другихъ Журналахъ также говорятъ объ опасности сихъ обществъ, но надѣются, что они не дойдутъ до крайности, потому, что народъ нынѣ сытъ, занятъ, доволенъ и мало заботится о политическихъ дѣлахъ.

П О Р Т У Г А Л Ъ С К І Я ДѢЛА.

11 Октябрю пришли въ Англію изъ Лиссабона при парохода. На одномъ изъ нихъ возвратился Членъ Нижней Палаты, Полковникъ Эвансъ, вздвигшій шума по приглашенію Адмирала Напира. По рассказамъ Г. Эванса, войска Дона Педра проспирались 6 Декабря, внутри линій до 20.000 ч., и въ томъ числѣ было 9000 регулярныхъ войскъ; сверхъ того 2500 ч. линійнаго войска находились въ Пенишѣ, 4500 ч. въ Опортѣ, и 1800 человекъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ, такъ, что во всей арміи можно полагать до 28.000 ч., къ чему надобно еще прибавить Опортскую гражданскую гвардію и небольшое число гверильясовъ. Армія Дона Мигуэля проспирается до 21,500 ч., изъ коихъ 14.000 находится предъ Лиссабономъ, а 7.500 предъ Опортмою; но эти войска находились, какъ говорятъ, въ дурномъ положеніи, и въ Лиссабонѣ предполагали произвести 10 Октябрю генеральную атаку. — Пароходъ City of Waterford погибъ близъ Португальскихъ береговъ; на немъ было все серебро и весь багажъ юной Королевы; экипажъ и пассажиры, въ числѣ коихъ были Маркизь Луле съ супругою, жена Адмирала Напира и Герцогиня Терсейрская, спаслись и вышли на берегъ въ Обидосъ, откуда Адмиралъ Напиръ и еревозъ ихъ въ Лиссабонъ. — Въ окрестностяхъ столицы новыхъ сраженій не произошло, но городъ Обидосъ занятъ войсками Дона Педра.

Герцогъ Браганцскій, декретомъ отъ 27 Сентября, отложилъ на неопредѣленное время созваніе Кортесовъ. Причина сей мѣры, какъ сказано въ декретѣ, есть близость непріятельскихъ войскъ.

Кавалеръ Абре де Лима написалъ къ Издаѣтелю Англійскаго Журнала Globe письмо, при которомъ препроводилъ къ нему отчетъ о состояніи Португальскихъ финансовъ, подписанный Министромъ Карвалью 1-го Октябрю. Отчетъ сей произвелъ на Лондонской биржѣ весьма благопріятное впечатлѣніе.

Изъ Мадрида пишуць ошъ 11 Октябрю, что множество Мигуэлистовъ перешло на границу и проникло въ Эспрамадуру. Всѣ они были обезоружены.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я .

Между Голландскимъ и Бельгійскимъ Правительствами происходять переговоры о перемѣнѣ Масприхтскаго гарнизона. (Извѣстно, что крѣпость сія находится посреди нынѣшнихъ Бельгійскихъ владѣній.)

Императоръ и Императрица Австрійскіе прибыли 11 Октябрю въ Линцъ, куда въ тотъ же день пріѣхали Король и Королева Баварскіе съ Принцессою Матильдою, Принцемъ Луишпольдомъ, Фельдмаршаломъ Вреде и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Барономъ Гизе. На другой день прибылъ въ Линцъ Князь Мештернихъ. Въ тотъ же день Ихъ Величества осматривали чугунную дорогу, посредствомъ коей устроено сообщеніе между Дунаемъ и Будвеемъ, слѣдственно также между Молдавою и Эльбою. Это самая длинная изъ всѣхъ, доселѣ существующихъ дорогъ сего рода.

Капипанъ Россѣ, отправившійся въ 1829 году,

какъ извѣстно, для отысканія сѣвернаго пути, и считавшійся уже погибшимъ, внезапно возвратился въ Гудль на китоловномъ суднѣ; свои корабли оставилъ онъ во льдахъ. Онъ убѣдился, что воображаемый путь сей не существуетъ.

На адресъ Нефшательцевъ, о которомъ мы говорили въ одной изъ предыдущихъ книжекъ С. О. и С. А., Его Величество Король Прусскій отвѣчалъ слѣдующее: „Я принялъ депутацію Законодательнаго Сословія съ участіемъ, котораго заслуживаюшь предметъ оной и личный характеръ Членовъ. Депутаты сіи изъяснили мнѣ желанія добрыхъ и любимыхъ моихъ Нефшательцевъ съ сыновнею привязанностію, и я отвѣчалъ имъ съ отеческою любовью. Вѣрные мои подданные Княжества Нефшательскаго давно знаютъ чувствованіи мои къ нимъ; они должны быть убѣждены, что я сдѣлаю для ихъ благополучія все, что состоятъ въ моей власти. Мой Министръ Иностранныхъ Дѣлъ объявилъ вамъ мою волю. Пока она не исполнится, я совѣтую народу сохранить спокойствіе, умеренность, терпѣніе. Ожидаю отъ благоразумія Депутатовъ и отъ вашего, Господа, что вы будете подавать согражданамъ своимъ примѣръ добродѣтелей, необходимыхъ въ ихъ нынѣшнемъ положеніи.“ — Депутаты въ донесеніи своемъ говорятъ, что Король объявилъ имъ, что онъ никогда не разлучится съ вѣрными своими Нефшательцами.

Греческій Государственный Совѣтникъ, Князь Карраджа, назначенный Посланникомъ Короля Опшона при Баварскомъ дворѣ, прибылъ 22 Октября въ Мюнхенъ. — Изъ Наполи ди Романіи получены письма, въ которыхъ говорятъ, что тамъ открыты за-

говоръ прошивъ Правительства, и въ слѣдствіе того взяты подъ стражу двадцать четыре человека; въ числѣ ихъ находящіяся Колокошрони, Коліопуло, Никпша, Грива, Плапуша и другіе.

26-го Октября.

V.

С М Ъ С Ъ.

ВЫПИСКИ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Въ одномъ Журналѣ напечатанъ слѣдующій списокъ всѣхъ Европейскихъ Государей по старшинству лѣтъ: Карлъ Іоаннъ, Шведскій Король, 69 лѣтъ; Король Англіійскій, Вильгельмъ IV, 69 л.; Папа Григорій XVI, 68 л.; Австрійскій Императоръ Францъ I, 66 лѣтъ; Датскій Король, Фридерикъ VI, 65 лѣтъ; Прусскій Король, Фридрихъ-Вильгельмъ, 63; Голландскій Король, Вильгельмъ, 61 л.; Король Французовъ, Лудовикъ Филиппъ, 60; Виртембергскій Король, Вильгельмъ, 52; Турецкій Султанъ, Махмудъ II, 48; Король Баварскій, Лудовикъ, 47; Король Бельгійцевъ, Леопольдъ, 42; Россійскій Императоръ, Николай I, 37 л.; Сардинскій Король, Карлъ Альбертъ, 35; Король Неаполитанскій, Фердинандъ II, 23 лѣтъ; Португальская Королева, Дона Марія, 14 л.; Испанская Королева, Марія-Луиза-Изабелла, 3 лѣтъ.

— Казимиръ Делавинъ оканчиваетъ новую Траге-

дію, которую онъ намѣревался опидати на первый Французскій Театръ.

— Знаменитая Англійская Актриса Миссъ Смигсонъ, которая за нѣсколько лѣтъ предъ симъ едва не свелася ума весь Парижъ, а въ прошломъ году переломила себѣ ногу и едва не померла въ нищету, вышла нынче замужъ за молодого Французскаго музыканта Берліо.

— Въ Периге (во Франціи) казнили одного преступника. Это пріятное зрѣлище привлекло толпы зрителей. Работники оставили свои мастерскія; безчисленное множество женщинъ (и нѣкоторыя изъ нихъ съ грудными младенцами) стояли въ нѣсколько рядовъ по дорогѣ, по которой долженъ былъ идти несчастный. На площади толпился народъ, и, въ ожиданіи казни, забавлялся, смотря на дѣшей, которые играли вокругъ эшафота, и на палачей, которые пробовали гильотину. Преступникъ передъ смертью долгое время исповѣдывался; народъ ропталъ на замедленіе. Когда голова несчастнаго свалилась съ эшафота, нѣсколько человекъ взобрались на окровавленную перила, чтобы насладиться зрѣлищемъ смертныхъ содроганій обезглавленнаго трупa. Какое благодѣтельное впечатлѣніе производить смертная казнь на зрителей!

— Изъ официальныхъ статистическихъ таблицъ, изданныхъ въ Берлинѣ, видно, что въ 1817 году совершено въ Прусскомъ Государствѣ 9646 преступлений и проступковъ. Въ сравненіи съ народонаселеніемъ, они были всего многочисленнѣе въ столицѣ: тамъ приходился одинъ преступникъ на 297 человекъ; въ Герцогствѣ Нижне - Рейскомъ 1 на 400; въ Силезіи, Пруссіи, собственно такъ называемой, и Помераніи

1 на 2000. Самый обыкновенный проступокъ бѣлъ, какъ и вездѣ, воровство.

— Въ Парижѣ опыскано нѣсколько сочиненій Андрея Шенье, считавшихся пропавшими; они напечатаны въ новомъ изданіи его твореній, вышедшемъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ.

— На Парижскомъ Театрѣ Porte-Saint-Martin скоро будетъ играна новая Трагедія Виктора Гюго: Marie d'Angleterre.

— Въ Брюсселѣ случилось слѣдующее происшествіе, еще неслыханное въ театральныхъ лѣтописяхъ. Тамъ играли знаменитую Оперу Майербера: Robert le Diable. Наканунѣ, съ самаго обѣда, начали собираться у театральнаго подъезда нетерпѣливые зрители, провели тушъ ночь, весь слѣдующій день, и вечеромъ благополучно вошли въ Театръ.

